Переводы

Андреас Виммер

Колумбийский университет, Нью-Йорк, США

Нина Глик Шиллер

Манчестерский университет, Великобритания

Методологический национализм и за его пределами: нациостроительство, миграция и общественные науки

doi: 10.22394/2074-0492-2021-2-184-231

Резюме:

Под методологическим национализмом понимается допущение, что нация/государство/общество являются естественными социальными и политическими образованиями современного мира. В статье мы выделяем три типа методологического национализма, которые в основном характерны для социальных наук, а затем показываем, как они отразились на исследованиях миграции. Мы проводим параллели между националистическим мышлением и концептуализацией миграции в послевоенных социальных науках. В историческом обзоре мы показываем, что эта доминирующая концепция развивалась в тесном взаимодействии с процессами строительства национальных государств на Западе, а также рассматриваем роль иммиграционной и интеграционной политики в этих процессах. Переход к изучению транснациональных общностей — последняя фаза в этом процессе — был скорее следствием эпистемического отхода от методологического

1 Андреас Виммер — профессор социологии и политической философии Колумбийского университета.

2 Нина Глик Шиллер — заслуженный профессор социальной антропологии Манчестерского университета.

3 Перевод с любезного разрешения авторов сделан А.Е. Верховцевой, Е.В. Кармановой, К.И. Клещевниковой, М.Г. Ожерельевой, А.Г. Пипией, М.С. Смирновой по изданию: Wimmer A., Glick Schiller N. (2002) Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences. *Global Networks,* 2(4): 301–334.

национализма, чем следствием появления новых объектов наблюдения. Статья завершается рекомендациями по новому концептуальному анализу, который, с одной стороны, не сопряжен с методологическим национализмом, а с другой — выходит за рамки флюидизма многих современных социальных теорий.

Ключевые слова: национализм, международная миграция, нациостроительство, эпистемология

После первоначальной неразберихи, вызванной недопониманием природы и широты современного процесса глобализации, социологи отказались от общих риторических фраз об упадке национальных государств и начали рассматривать способы, с помощью которых национальные государства сейчас скорее трансформируются, чем разрушаются. Как стало очевидным, национальное государство и национализм вполне совместимы с глобализацией. Мы наблюдаем расцвет национализма и реструктуризации по национальному признаку целого ряда новых государств в Восточной Европе, происходящий на фоне растущих глобальных взаимосвязей. Синхронность этих процессов подводит нас к мысли об ограниченности нашего понятийного аппарата. Очевидно, мы привыкли принимать как должное, что мир поделен на дискретные и автономные национальные государства, и поэтому склонны рассматривать создание национальных государств и глобализацию как две противоположности. Следующий необходимый шаг — это анализ того, как понятие национального государства влияло и продолжает влиять на ход мыслей в общественных науках, в том числе на наши рассуждения о транснациональной миграции.

Наша цель — продвинуться в этом направлении, изучив интеллектуальный потенциал двух гипотез. Мы продемонстрируем, что процесс возникновения национальных государств формирует то, как воспринимается и принимается миграция. Это восприятие, в свою очередь, оказывает существенное (но не решающее) влияние на социологическую теорию и методологию и, более узко, на дискурс иммиграции и интеграции. Под *методологическим национализмом* мы принимаем допущение, согласно которому нация/государство/общество являются естественными социальными и политическими образованиями современного мира[1].

1 Мы позаимствовали этот термин у Эрмино Мартинса [1974: 276f], который употребил его мимоходом в статье по социальной теории. Он использует термин в том же смысле, что и авторы в этой работе. Энтони Смит [1983: 26] упоминает это понятие десятилетие спустя, ссылаясь на то, что статистика и социологические исследования на ее основе делают национальные

Статья состоит из четырех частей. Первая рассматривает четыре типа методологического национализма и показывает их важность для социологического мышления. Вторая демонстрирует, как методологический национализм влияет на изучение транснациональной миграции, ограничивая его. В третьей части мы намечаем историческую перспективу. Она позволит нам увидеть, что формирование нации, контроль и ограничения иммиграции и растущая озабоченность социологии миграцией — взаимосвязанные процессы, развивающиеся на транснациональном поле социальных сил. Четвертая секция фокусируется на заключительной фазе этого процесса и описывает последние волны исследований глобализации и транснациональной миграции.

Только сейчас, когда национальные государства уступили часть своей силы транснациональным корпорациям и наднациональным организациям, оглянувшись, мы можем видеть, какую форму приобрела современность за последние два столетия. Она была загнана в железные рамки национальных государств, что ограничило нашу способность к анализу. Благодаря происходящему в наши дни освобождению от указанных концептуальных ограничений влияние методологического национализма начало изучаться в разных областях знания: истории [Bender 2001; Rogers 1998], географии [Taylor 1996], социологии [Beck 2000] и антропологии [Glick Schiller 2000, Glick Schiller et al. 1992, 1995; Wimmer 1996a]. Возможно, нам труднее воспринимать мир в трех измерениях, когда солнце стоит

общества естественным элементом анализа. Термин, безусловно, был придуман по аналогии с понятием методологического индивидуализма, введенным Шумпетером и популяризированным Фридрихом фон Хайеком, а позднее — Карлом Поппером. Методологический индивидуализм, обычно приписываемый социологической программе Макса Вебера, предполагает анализ общества как эффекта суммарных решений и действий индивидов, что является базовой единицей социологического анализа. По словам фон Хайека, методологический индивидуализм — это убеждение в том, что «понятия и взгляды, принадлежащие индивидам, ... формируют элементы, из которых мы должны создать, так сказать, более сложный феномен» (von Hayek, 1943: 38). Термин «методологический национализм» используется нами гораздо более широко, нежели обычно свойственно термину «методологический индивидуализм». Он охватывает не только положительные и прямые утверждения, что нации являются базовым элементом анализа, но и работы, которые (1) следуют этому принципу без его прямого признания или даже не ознакомлены с ним, и/или (2) пренебрегают и игнорируют важность националистической доктрины для современного мира. Упущение и игнорирование определенно представляет собой вид методологического национализма, который не находит аналогов в классических дискуссиях о методологическом индивидуализме.

в зените. Вечером тени растут и позволяют нам видеть все окружающее четче и контрастней.

В наступающих сумерках мы обнаруживаем, насколько транснациональным всегда был мир, даже тогда, когда национальные государства максимально связывали и притормаживали социальные процессы. Транснационализм нельзя считать недавним порождением глобализации. Скорее, это константа модерна, ускользающая от глаза, затуманенного методологическим национализмом. Таким образом, ценность изучения транснациональных сообществ и миграции не в открытии чего-то нового, хотя такая исследовательская стратегия весьма престижна в современной интеллектуальной среде. Серьезное значение имеет сдвиг перспективы в сторону от методологического национализма. Доскональный разбор истории транснациональных социальных отношений и их последнего открытия может в таком случае стать подходящей стартовой точкой для переосмысления истории социологии в целом. Это, вероятно, поможет нам развить перспективу «наблюдателя второго порядка», как однажды выразился Никлас Луман. Мы будем способны наблюдать и за социологами, наблюдающими за социальным миром и эффектами, влияющими на этот мир, и в то же время за силами социального мира, формирующего мировоззрение социологов.

Три типа методологического национализма

Наша аргументация сосредоточена на направлениях, которые мы считаем основными, доминирующими в социальных науках прошлого века. Мы не обсуждаем смежные течения, вступавшие в противоречие с гегемонистским дискурсом. Во времена усиления глобализации появлялись теории, которые отражали этот процесс и предоставляли средства для его анализа, не сопряженного с методологическим национализмом. Наиболее очевидная из них — политическая экономия, сформированная марксистской традицией. Она всегда рассматривала капитализм как глобальную систему, а не его конкретные национальные разновидности. Особенно это относится к исследованиям империализма, проводившимся Розой Люксембург и др. до Первой мировой войны, когда международное движение товаров, капитала и рабочей силы достигло первого пика. Мир-системная теория Валлерстайна принадлежит ко второй волне теоретизирования, прокатившейся в 1970-е годы, когда транснациональные связи снова усиливались и множились. Вторая и не менее важная линия развития, не включенная в наше обсуждение, — методологический индивидуализм в его различных проявлениях, когда анализ не исходит из прямого указания на более крупные социальные субъекты (скажем, школа предельной полез-

ности и рационального выбора в экономике и политологии или интеракционизм в социологии).

Тем не менее эти взгляды не стали ортодоксальными и не сформировали программу общественных наук в той мере, как направления, обсуждаемые в этой статье. Основные эпистемологические структуры и программы социальных наук не только были тесно связаны с опытом формирования современного национального государства, но и обуславливались им. Глобальные силы транснационального капитализма и империализма, которые достигли своего апогея как раз в тот период, когда социальные науки сформировались как независимые дисциплины, оставили некоторые следы в основных парадигматических предпосылках этих дисциплин и почти не подвергались систематическому анализу.

Нашей отправной точкой выступает классическая социальная теория, которая в особенности повлияла на социологическую традицию. Как неоднократно утверждали многие ученые, классическая теория модерна отличается близорукостью, когда дело доходит до понимания возникновения национальных государств, а также национализма и этничности [Esser 1988; Guiberneau 1997; Imhof 1997; Smith 1983; Thompson, Fevre 2001]. В глазах Маркса, Дюркгейма, Вебера и Парсонса возрастание дифференциации, рационализации и модернизации общества постепенно снижало важность этнических и национальных чувств. Большинство классических высоких теорий было выстроено как череда социально-структурных типов (от феодализма через капитализм и до коммунизма, от Gemeinschaft к Gesellschaft, от органической солидарности к механической[1], от традиционного общества к современному и т.д.). Национализм относили к более ранним стадиям цепочки социальной эволюции. В качестве традиционного, коммунитарного, объективного, буржуазного или дорационального феномена национализм считался переходным этапом на пути к современному, рационализированному и индивидуализированному классовому обществу, основанному на успешности. Национализму и патриотизму вскоре предстояло

1 У авторов неточность. Если имелось в виду различение, введенное Дюркгеймом, то в его терминологии эволюция состояла как раз в переходе от «механической» солидарности к «органической». В примитивных обществах — с характерным для них минимальным разделением труда — солидарность носит механический характер, поскольку все отношения жестко регламентированы, и индивид привязан к коллективу в силу жестких предписаний (здесь, строго говоря, нет индивидов как уникальных личностей), тогда как в современных обществах — с их развитым разделением труда — индивиды сильно отличаются друг от друга, и их связи с другими членами коллектива носят более сложный характер. — *Ред-сост.*

быть уничтоженными пролетарским интернационализмом (Маркс и Энгельс) или постпатриотическим «человеческим идеалом» (idéale humaine, Дюркгейм) [Smith 1983; Guiberneau 1997] (относительно более позднего, более дифференцированного взгляда Макса Вебера см. [Smith 1983: 31–33]).

Эти схемы не принимали в расчет того неоспоримого и очевидного факта, что националистическая политика и национальные конфликты сформировали историю XIX и XX веков. Высокая теория оказалась не восприимчива к нему из-за иерархического разделения труда между академическими дисциплинами. Изучением подъема национализма и национального государства, этнонациональных войн в Европе XIX и начала XX века занялась история, хотя из этого правила есть и исключения, например, короткое эссе Дюркгейма, написанное сразу после Первой мировой войны. Общинная идентичность и процессы нациостроительства за пределами Европы и Соединенных Штатов стали сферами изучения антропологии, а затем и политологии. Пресловутая неспособность социальной теории до 1980-х годов выявить значение и источники национализма в современном мире отчасти можно объяснить дисциплинарным разделением труда, установившимся в начале XX века [Wimmer 1999].

Особенно это заметно в общественных науках Франции [Taguieff 1991: 46] и Германии. Немецкий социолог Отто Хондрих [1992] даже почувствовал необходимость публично признать «нашу вину» (nostra culpa) за пренебрежение национализмом как объектом социальной теории [Radtke 1996]. В англосаксонском мире начиная с 1980-х годов, благодаря ранним работам Дойча, Кедури, Геллнера, Смита и др., существует устоявшаяся исследовательская традиция изучения национализма, особенно в области исторической социологии [Thompson, Fevre 2001]. Однако их труды не оказали заметного влияния на основное направление социальной теории.

Как два десятилетия назад предположил Энтони Смит, это замалчивание непреходящей важности национальных принципов проистекает из фундаментальной методологической проблемы [Smith 1983: 26]. Националистические формы включения и исключения связывают наши общества вместе и служат невидимым фоном даже для самых изощренных теорий состояния модерна. Общественные науки оказались во власти кажущейся естественности и очевидности того, что мир поделен на общества, очерченные границами национальных государств [Berlin 1998]. При столкновении высокой теории с обществом произошло то, что Биллиг [Billig 1995] показал на примере повседневного дискурса и практики. Поскольку националистические формы включения и исключения были структурированы в соответствии с принципами национального государства,

они стали настолько привычными и банальными, что перестали быть заметными.

Таким образом, методологический национализм препятствует истинному пониманию природы и ограничений проекта модерна. Этим объясняется систематическое игнорирование того парадокса, что модернизация привела к созданию национальных сообществ, хотя в современном обществе якобы доминируют принципы достижительности[1]. Взять Парсонса и Мертона или Бурдье, Хабермаса и Лумана: ни один из этих авторов не рассматривает сколько-нибудь систематическим образом национальное устройство государств и обществ в эпоху модерна. Интересно, что нечувствительные к нации теории модерна были сформулированы в ситуации быстро национализировавшихся обществ и государств, а иногда накануне или после националистических войн, как в случае с концепциями Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма.

Однако игнорирование национального устройства модерна — лишь одна из форм методологического национализма. Вторая же, типичная для более эмпирически ориентированных практик общественных наук, принимает национальные дискурсы, цели, самосознание и историю как должное, без их проблематизации или превращения в объект самостоятельного анализа. Вместо этого национально детерминированные общества рассматриваются как естественно данные объекты для изучения. Приведем несколько наглядных примеров натурализации национального государства, взятых из различных дисциплинарных традиций.

Международные отношения подразумевают, что национальные государства являются адекватными субъектами для изучения между*народного* мира[2]. Велись долгие дискуссии об анархической природе этой межгосударственной системы и о меняющейся динамике гегемонии и полицентризма, однако почти не было исследований того, почему эта международная система стала между*народной* (исключение [Mayall 1990]). Сходным образом после Второй мировой войны исследователи новых независимых государств считали национальное строительство необходимым, хотя и неприятным аспектом процесса деколонизации [Wallerstein 1961]. Задача создания жизнеспособной национальной культуры рассматривалась как очевидное следствие других задач модернизации и проецировала в качестве модели видение западного строительства национального государства. Построение нации и формирование государства вы-

1 Т.е. принципы индивидуального успеха. — *Ред-сост.*

2 Нет нужды пояснять, что в оригинале — inter*national*, т.е. меж*национальный*. — *Ред-сост.*

ступили естественными союзниками в работах таких теоретиков модернизации, как Лернер или Ростоу, поскольку модель национального государства представляла собой единственный мыслимый способ организации политики.

Экономика как наука изучала хозяйство национальных образований или их отношения друг с другом через торговлю, потоки капитала и тому подобное. После публикации книги Адама Смита [Smith 1983/1789] «Исследование о природе и причинах богатства народов», а на континенте — шедевра Фридриха Листа [List 1974/1856] «Национальная система политической экономии» различие между внутренней экономикой и внешними отношениями стало руководящим принципом эволюции дисциплины. Примечательно, что экономические процессы в границах национального государства Лист назвал буквально «народным хозяйством» (Volkswirtschaft). Во введении к своему трехтомному сочинению Смит ясно дает понять, что собирается объяснить использование труда и капитала в различных более или менее цивилизованных странах. Джон Мейнард Кейнс и другие ведущие политэкономы XX века придерживались того же подхода и считали само собой разумеющимся различие между двумя экономиками: национальной внутренней и международной внешней.

Методологический национализм характерен и для более поздних попыток преодолеть ограниченность подобного подхода и описать более крупные межнациональные экономические системы. Хотя теория зависимости была призвана преодолеть свойственную американской теории модернизации зацикленность на отдельной нации, она лишь заменила ее моделью эксплуатации и борьбы за доминирование между национальными государствами, таким образом, имплицитно представляя национальное государство как основную единицу анализа [Luton 1976].

Вплоть до 1990-х годов история эпохи модерна писалась как рассказ об отдельных национальных государствах или об их отношениях друг с другом (за заметными исключениями, такими как работы Иммануила Валлерстайна [1974] или Эрика Вульфа [1982]). В основном она уже не ставила перед собой чисто националистическую цель узаконить конкретный проект построения нации, как это было до Второй мировой войны. Однако она все еще находилась под глубоким влиянием методологического допущения, что конкретная нация может быть постоянной единицей наблюдения исторических преобразований — тем «предметом», изменения которого история должна была описать. Это продолжает оставаться доминирующей точкой зрения в недавно обновленной историографии, истории искусства и археологии многих восточноевропейских стран, в том числе и в Греции ([Karakasidou 1994]; а также [Nikulescu 2002]).

В антропологии методологический национализм имел разнообразные и самые коварные последствия, особенно когда дисциплина отказалась от диффузионизма и обратилась к функционализму как к ведущей парадигме. Антропологи часто предполагали, что изучаемые ими культуры унитарны, органически связаны с территориями и закреплены внутри них, воспроизводя таким образом картину социального мира, разделенного на сплоченные, культурно единые целостности, что типично для националистического мышления [Basch et al. 1994; Wimmer 1996a]. Более того, первые антропологи определяли область своих исследований через негативную экстраполяцию опыта построения национальных государств на Западе: их привилегированными объектами стали племена без современной государственности и этнические группы до превращения в нации. Они систематически проходили мимо влияния колониального режима на изучаемые ими народы или имевшихся у них целей национального строительства.

Когда антропологи работали со сложными обществами, включая промышленно развитые западные страны, их точку зрения снова определял методологический национализм. Изучая этнические группы внутри модернизирующихся или индустриальных национальных государств, они имели склонность описывать их как отличающиеся в культурном плане от основного населения в силу исторического происхождения, включающего историю их миграции. При этом они не рассматривали такие различия как последствия политизации этнической принадлежности в контексте создания самого национального государства. Между тем основной задачей проекта национального государства было определить все группы населения, которые не считались представителями «национальной культуры», как расово и культурно отличающиеся, что порождало инаковость, которая способствовала созданию единства и идентичности [Schiller 1999a, 1999b, 1999c; Williams 1989; Wimmer 2002]. Таким образом, антропология воспроизвела и натурализовала взгляд, проецируемый из центра возникающего национального государства.

Следовательно, мы можем обнаружить натурализацию национальных государств в различных научных дисциплинах и во многих интеллектуальных вариациях. Натурализация черпает свои силы из разделения проекта социальных наук на различные «национальные» академические поля. Этот процесс серьезно подвержен влиянию не только националистического мышления, но и национально-государственных институтов, организующих и внедряющих принципы социальных наук в университетах, исследовательских институтах и правительственных научных центрах. Как показал недавний доклад об изучении миграции, даже сейчас

чрезвычайно сложно привлечь финансирование для межстрановых сравнительных исследований [Henke 2001]. Основные финансируемые исследовательские программы направлены на решение национальных проблем в экономике, политике и социальной службе. В большинстве стран университеты связаны с национальными министерствами образования, что заставляет их отдавать предпочтение в исследованиях и преподавании вопросам «национальной значимости». Академии, за редким исключением, как, например, в Германии, обычно являются национальными и иногда играют важную роль в поддержании культурных ценностей государства, что особенно заметно во Франции. Кроме того, почти вся статистика и другая систематическая информация собирается правительственными департаментами национальных государств, и потому в качестве объекта наблюдения берется национальное население, экономика, политика [Favell 2004]. Понятно, почему натурализация национального государства стала наиболее заметной формой методологического национализма в послевоенных общественных науках.

Другой вариант натурализации национального государства состоит в преуменьшении роли национализма в современном формировании государств за счет аналитического отделения роста национализма от роста современного государства и демократии. Таким образом, национальный фон опыта строительства современных государств и демократизации становится почти незаметным. Государство и нация становятся двумя независимыми объектами исследования. Большинство теоретиков национализма говорят о нации как о сфере идентичности. Под нацией подразумеваются люди одного происхождения и истории, на что указывает их общая культура, язык и идентичность [Calhoun 1997; McCrone 1998; Smith 1998]. Государство, наоборот, в основном подразумевает суверенную систему правления в пределах определенной территории. В политологии это привело к появлению господствующей теории, которая рассматривает государство как нейтральное поле игры различных групп интересов. Это исключает из общей картины то, что современное государство вошло в симбиотические взаимоотношения с националистическими политическими проектами. Это справедливо даже для таких изощренных описаний государственной модернизации, как работа «Национальное государство и насилие» Гидденса [1995].

Там, где это разделение было преодолено и отношения между формированием нации и модернизацией государства систематически изучены, многие авторы впали в другую крайность натурализации национального государства. Так, для Эрнста Геллнера [Gellner 1983] расцвет национального государства — неизбежное следствие

индустриализации общества, обеспечивающее культурно гомогенное и коммуникативно интегрированное пространство, в котором нуждается динамизация экономики. По мнению Энтони Смита [1995], лишь нации и национальные государства способны обеспечить чувство безопасности, идентичности и культурного комфорта, которые необходимы в быстро меняющемся мире в период глобализации. Только в последнее десятилетие шоры методологического национализма были сняты благодаря выходу за рамки дихотомии между государством и нацией без попадания в капкан натурализации национального государства [Breuilly 1993; Mann 1993; Wimmer 1996b, 2002].

Методологический национализм также изолирует демократию от национализма. Из нашей исторической памяти искореняются связывающие их историческая логика и систематика. Большинство современных теорий и историй демократии, особенно трактаты политических философов, пренебрегают этой связью. Они смотрят на внутреннюю динамику эволюции демократических государств и упускают из виду националистические принципы, которые исторически определяли их границы. Это происходит почти со всеми исследованиями; исключения редки: недавняя работа «От голосования до насилия» Снайдера [2000] или эссе грузинского философа Гии Нодии [1992].

В результате такой двойной сегрегации национализм предстает как сила, чуждая истории формирования западных государств. Вместо этого предполагается, что националисты — это другие, вроде кровожадных балканских лидеров и африканских вождей. Западный опыт формирования государств переосмысливается как ненациональный, гражданский, республиканский и либеральный. Особенно это заметно в работах таких политических философов, как Ролз [Sen 1999]. Сегрегация и смещение акцентов оказываются крепко связаны. Этнонационалистические войны и насилие изымаются из истории наших государств, но появляются как часть современного пейзажа далеких стран. Однако то, что мы сегодня называем этнической чисткой или этноцидом, и с отвращением отмечаем его присутствие на «всегда проблемных Балканах» или в «трайбалистской Африке», было константой европейской истории формирования наций и государственных образований начиная от гонений цыган Генрихом VIII или мусульман и евреев Фердинандом и Изабеллой и заканчивая Варфоломеевской ночью во Франции или греко-турецким «обменом населением» (как это было эвфемистически названо) после Лозаннского мирного договора. Многие из этих событий исчезли из народного сознания и, возможно, должны быть забыты, чтобы формирование наций было успешным, как более сотни лет назад предположил Эрнест Ренан [1947/1882].

Перейдем к третьему и последнему типу методологического национализма: территориализации социологической мысли и сужению аналитического фокуса до границ национального государства. Общественные науки стали одержимы описанием процессов в рамках национальных государств, противопоставляя их процессам за этими рамками и соответственно упуская из виду связи между национально определяемыми территориями. Воспользуемся позаимствованным у Гидденса [1995] образом: сеть социальной жизни была сплетена внутри контейнера национального общества, а все, что выходило за его пределы, подлежало аналитической обрезке. Так, если воспользоваться кулинарной метафорой, блинное тесто, вылитое на раскаленную сковороду, отделяется от основной массы и принимает дискретную форму. «Контейнерное» общество охватывает культуру, политику, экономику и сплоченные социальные группы [Taylor 1996]. Большинство теоретических дебатов выросло вокруг обсуждения относительного веса каждого из этих аспектов в структурировании всей социальной ткани (парсонианцы выбирают культуру, а марксисты — экономику), а также споров, определяет ли общество действия индивидуумов или же, наоборот, социальные структуры развиваются из индивидуальных поступков. Почти никто не размышлял о том, почему стенки «контейнерного» сообщества созданы такими, какие они есть, и каковы последствия этих методологических ограничений аналитического горизонта. Таким образом, трансграничные связи и процессы были устранены из общей картины.

Интересно, что это также относится к социологическому анализу процесса формирования национального государства. Понятие современного государства и национального населения исторически развивалось в рамках трансграничных, а не территориально ограниченных национальных пространств [Glick Schiller, Fouron 2001a]. Во многих случаях эти трансграничные пространства были размежеваны практикой и идеологией колониального и империалистического доминирования, а идеи народного суверенитета и республиканской независимости сформировались в трансграничных сообществах образованных людей. Следует выйти за пределы доминирующих национальных дискурсов, чтобы увидеть трансграничные основы тех или иных проектов формирования национальных государств. Скажем, динамику между английским господством над Ирландией и английской национальной идентичностью или связь между французскими концепциями гражданства и цивилизации и французской же колониальной программой [Lebovics 1992]. Из-за превалирующей парадигмы, которая делит государственные дела на внутренние национальные вопросы и международные интересы, направленные на межгосударственные отношения, исто-

рия таких трансграничных и транснациональных формирований национального государства становится незаметной. Национальные истории усугубляют эту незаметность, поскольку ограничивают свое повествование пределами государственных границ.

Итак, в нашем историко-географическом обзоре выделены три типа методологического национализма: игнорирование, натурализация и территориальное ограничение. Они пересекаются и взаимно дополняют друг друга, формируя последовательную эпистемологическую структуру, самоподтверждающийся способ восприятия и описания социального мира. Эти три вида более или менее заметны в разных областях исследования. Игнорирование является доминирующей формой методологического национализма в большой теории, натурализация — в нормальных эмпирических науках, территориальное ограничение — в изучении национализма и формирования государства.

Что все это значит для миграционных исследований и роста изучения транснациональной миграции? Следующая часть покажет, как методологический национализм влияет на послевоенное определение интернациональной миграции и интеграции иммигрантов. В третьем разделе мы приведем статистическую картину в движение и увидим, как на самом деле развивалась наука после Второй мировой войны и как это связано с процессом формирования национальных государств.

Определение объекта миграционных исследований

Чтобы понять, как методологический национализм повлиял на изучение миграции, мы сначала более подробно опишем связь между националистическим мышлением и контейнерной моделью общества, ставшей доминирующей в социальных науках послевоенного времени. Это поможет разобраться, почему миграция стала важным объектом исследования для социальных наук.

Современный национализм объединяет четыре различных представления о народе, которые развивались независимо друг от друга в Европе в раннее Новое время. Согласно им, 1) народ есть суверенная совокупность, осуществляющая политическую власть посредством какой-либо демократической процедуры; 2) народ — граждане государства, обладающие равными правами перед законом; 3) народ представляет собой по необходимости солидарную группу, расширенную семью, связанную обязательствами взаимной поддержки; 4) народ — этническая общность, не разделенная по признакам чести и престижа, но объединенная общей судьбой и общей культурой. Эти четыре понятия о народе объединяются в нечто большее, чем просто Народ. Демократия, гражданство, социальное обеспече-

ние и национальное самоопределение являются высшими точками национально-государственного миропорядка, сформировавшегося после Второй мировой войны.

Утверждение такого порядка позволяет спроецировать националистическое воображаемое на весь земной шар и дать ему территориальное воплощение. Изоморфизм между гражданами, сувереном, группой солидарности и нацией влечет за собой совпадение всех соответствующих территориальных границ. Совпадение границ подразумевает гораздо более строгое определение того, что относится к державе, а что выходит за ее пределы. Переход к территориально фиксированным границам, безусловно, совпадает с созданием централизованных королевств, которое предшествовало национализации современных государств [Guernée 1986]. Однако создание пограничных постов, физическое разделение границ и сакрализация национальной территории — все это связано с возникновением национальных государств [Nordman 1997]. Национальная территория устанавливает границы суверенного населения, определяет родину для граждан, определяет границу между социальным порядком и беспорядком, проводит различие между национальным домом и запустением иностранного государства. Таким образом, националисты превращают национальную территорию в фетиш, в святилище, ради защиты которого должна проливаться кровь народа.

Тут легко увидеть параллели с контейнерной моделью общества, которая сложилась в социальных науках и стала доминирующей после Второй мировой войны. Почти буквально: гражданам соответствует концепция национальной правовой системы, суверену — политическая система, нации — культурная система, а группе солидарности — социальная система; все границы совпадают и вместе образуют как бы кожу, скрепляющую единство общественного корпуса или «тела». Опирающаяся на образ телесной целостности идея функциональной интеграции, столь заметная в стандартном мышлении социальных наук вплоть до 1980-х годов, соответствует националистическому слиянию четырех понятий народности в один национальный корпус. Народ для националиста — то же, чем является Общество для социологов послевоенного времени. Их объединяет набор основных представлений о том, как устроен социальный мир.

Все сказанное проясняет, почему мигранты представляют собой объект особого внимания и изучения как для строителей нации, так и для социологов послевоенного времени. В националистической доктрине, так же как и в контейнерной модели общества, иммигранты должны противостоять упорядоченному функционированию государства и общества, причем даже в тех обществах, где прошлая иммиграция входит в основополагающий национальный

миф. Мы видим четыре причины, по которым мигранты выступают в качестве объекта политических решений и специализированного корпуса исследований. Во-первых, они разрушают изоморфизм между народом, сувереном и гражданами. Иммигранты воспринимаются как посторонние, как не разделяющие общую лояльность по отношению к государству и не включенные в систему общих прав, гарантированных этим государством. Межгосударственные мигранты, по-видимому, остаются лояльными другому государству, гражданами которого они являются и суверену которого они принадлежат до тех пор, пока нация не примет их в себя посредством ассимиляции и натурализации. В последние годы — и с новой интенсивностью, которая, вероятно, возрастет после 11 сентября 2001 года, — исследования в области социальных наук были обращены к политической активности и лояльности иммигрантов, что соответствует интересу национального государства к надзору за иммигрантами, ограничению их численности и контролю над ними.

Во-вторых, иммигранты разрушают изоморфизм между народом и нацией. Они появляются как яркие цветовые пятна на национальной ткани, напоминая строителям национального государства и социологам об этнических меньшинствах, которые были «поглощены» нацией в результате политики принудительной ассимиляции и добровольной интеграции. Таким образом, иммигранты представляют собой новый вызов проекту национального строительства и указывают на хрупкость его достижений в особенности там, где нация никогда не мыслилась как многообразие, и сама состояла из бывших иммигрантов.

Даже в иммигрантских обществах основной задачей послевоенных миграционных исследований было оценка и тщательное изучение культурных различий между иммигрантами и гражданами, а также описание путей ассимиляции в национальную группу, иными словами, описание механизма успешного процесса создания нации [Favell 2004]. Априорные установки методологического национализма исключают постановку вопроса о том, не оказывается ли так, что иммигранты de facto уменьшают, а не увеличивают культурную неоднородность, поскольку референтная группа национального сообщества может быть неоднородной по классу и культуре и, таким образом, содержать большее разнообразие по сравнению с мигрантским населением [Waldinger 2000].

Различные послевоенные теории интеграции иммигрантов — от ассимиляционизма Чикагской школы до мультикультурализма, теории расизации и этнизации, а затем до неоассимиляционизма — предполагают, что соотнесению подлежат, с одной стороны, такие образования, как нация/государство/общество (необязательно

однородное), а с другой — иммигранты, прибывающие из-за пределов этой нации/государства/общества. Такая концептуализация фундаментальной проблемы влиятельна не только благодаря функционалистской традиции, определяющей интеграцию как главную исследовательскую проблему, но и методологическому национализму: интеграция всегда считается установившейся, менее проблематичной и менее хрупкой среди тех, кто принадлежит к народам-нациям.

В-третьих, иммигранты разрушают изоморфизм между народом и группой солидарности. Они не должны быть частью системы социального обеспечения, разработанной национальным сообществом в рамках Нового курса и Планов Бевериджа[1], потому что они приходят извне в национальное пространство солидарности. Но они не могут быть полностью исключены из формирующихся систем социального обеспечения, поскольку они исторически и организационно связаны с рабочим процессом, с производством, нанимающим иммигрантов [Bommes, Halfmann 1994]. Из-за этой напряженности интеграция иммигрантов в системы социального обеспечения имела оттенок незаконности и злоупотребления. Целая отрасль послевоенных исследований иммиграции, особенно в Европе, изучала последствия иммиграции для систем национального благосостояния, анализировала безработицу среди иммигрантов, прослеживала динамику развития трущоб и образования гетто и пыталась понять культуру бедности, которая, как считалось, становилась ловушкой для иммигрантов. Не будучи членом национальной семьи, иммигрант считался склонным стать маргиналом, подверженным риску одиночества и голода. В количественных исследованиях, следуя логике методологического национализма, долю иммигрантов обычно сопоставляли с «национальными средствами» дохода, числом детей на семью, с долями безработных и зависимых от социального обеспечения, считая само собой разумеющимся, что это адекватные единицы сравнения (см. обзор исследований по теме «социальное единство» в [Vertovec 1999]). Их редко сравнивают со слоями населения страны, на которые они

1 Имеется в виду социальная политика, проводившаяся в 1930-е годы американским президентом Рузвельтом, которая ставила своей целью преодоление последствий Великой депрессии за счет государственных программ расширения занятости (вошла в историю как ‘New Deal’), а также программы борьбы с бедностью через внедрение системы социального страхования в Великобритании 1940-х годов, в основе которых лежали доклады британского экономиста Уильяма Бевериджа. «Новый курс», как и «модель Бевериджа», дали толчок послевоенному развитию государства всеобщего благосостояния (welfare state). — *Ред-сост.*

похожи с точки зрения дохода или образования. Однако когда такие сравнения все же проводятся, выясняется, что иммигранты часто добиваются большего успеха, чем неиммиграционное население (см. [Rumbaut, Cornelius 1995] по материалам США и [Bolzman et al. 2000] по материалам Швейцарии).

В-четвертых, в глазах строителей национальных государств и социологов каждое перемещение через национальные границы становится исключением из правила оседлости в границах национального государства. Исключительность межграничных поселений, очевидно, связана с территориализацией националистического воображения и параллельным появлением контейнерной модели общества, о которой говорилось выше. Крупная отрасль послевоенных исследований миграции и целый ряд специализированных научно-исследовательских институтов разработали анализ таких межгосударственных перемещений, их движущих механизмов, поддерживающих их сетей цепной миграции, роли социального и культурного капитала в ограничении и управлении ими.

Основное внимание в этой литературе уделяется миграции
200 неграждан, а не «возвратной» миграции сограждан, таких как переселенцы в Германии (*Aussiedler* обычно переводится как «этнические немцы»). До 1989 года переселенцы изучались фольклористами и историками, а не специалистами по миграции, которые сосредоточились исключительно на иммиграции иностранцев (*Ausländer*). Объектом миграционных исследований является только межнациональная миграция. «Внутренняя» миграция граждан из одного города в другой, из районов, проходящих деиндустриализацию, в бурно развивающийся мегаполис не считается проблемой, заслуживающей особого внимания. Она либо остается совершенно незамеченной, либо рассматривается как часть урбанистики и, таким образом, изучается в академических дисциплинах, не связанных с миграционными исследованиями. Межгосударственная миграция, напротив, представляется аномалией, проблематичным исключением из правила пребывания людей по месту их принадлежности, т.е. их собственного национального государства. Таким образом, послевоенные исследования миграции натурализовали эту принадлежность, сделав ее мыслительным фоном социальных наук и превратив в одну из неоспоримых аксиом.

Эти четыре пункта ясно показывают, насколько исследования миграции являются детищем послевоенной эпохи, когда национальные государства достигли пика в своей способности направлять, ограничивать и влиять как на миграционные движения, так и на общественные науки, о них размышляющие. Описывая иммигрантов как тех, кто представляет потенциальный риск для безопас-

ности, как культурно отличающихся, как социально маргинальных и исключенных из правила территориальной принадлежности, послевоенные общественные науки отразили и, как мы увидим в следующем разделе, в то же время узаконили проект строительства национального государства, направленный на создание суверенного гражданина, однородной нации, сообщества солидарности и территориально сплоченного государства.

Фазы национального строительства и дискуссии о миграции

До сих пор наша аргументация в основном была концептуальной и абстрактной, т.е. основывалась на аналогии между идеологиями построения национальных государств и концептуальными схемами общественных наук (первый раздел) и послевоенными исследованиями миграций (второй раздел). В данном разделе мы хотели бы представить эту взаимосвязь в историческом контексте. Мы обрисуем в общих чертах, как различные этапы формирования национального государства повлияли на его отношение к миграции, и на то, как они были концептуально оформлены общественными науками. Мы увидим, что послевоенная ситуация, когда националистическая закрытость сочетается с контейнерной моделью в общественных науках, является далеко не единственной формой, которую приняли эти отношения.

Предметом этой истории будет мир, одновременно расширяющийся и сужающийся вследствие глобализации и национализации, но все же остающийся, как показывает нам не ограниченная методологическим национализмом перспектива, взаимосвязанной сферой трансграничных связей. Хочется надеяться, что наша история поспособствует становлению нового, комплексного представления о том, как построение национального государства, миграция и идея общественных наук связаны друг с другом.

Фаза I: Довоенная эпоха

Мы выделяем четыре периода: с 1870 по 1918 г., с 1919 по 1945 г., с 1946 по 1989 г. и с 1990-го по настоящее время (последний период обсуждается в отдельном разделе), в общих чертах описывая лишь изменения, представляющие особый интерес. Наша цель — представить широкую панораму, где даты служат не более чем приблизительными ориентирами глобальных исторических преобразований.

Наш исторический очерк начинается периодом с 1870-х годов по Первую мировую войну. Прекрасная эпоха (Belle époque) была временем стремительного роста, с высоким спросом на рабочую

силу, но этот рост сопровождался экономическими спадами, а также значимыми периодами застоя и упадка. Эти перепады положили начало промышленному развитию как Европы, так и Соединенных Штатов, они ощущались в Мексике, Бразилии, Аргентине, Китае, Японии, России и Турции. Именно в этот период промышленные капиталисты в поисках более высоких ставок и новых источников прибыли обратились к новым формам глобального финансирования и инвестирования. Возникли корпорации, которые стали важными государственными субъектами, чьи права защищались государствами, в которых они располагались. Они создали монополии и картели и дали начало тому, что мы теперь опознаем как интенсивный период глобализации [Held et al. 1999; Mittleman 1996a, 1996b; Wimmer 2001a].

Этот период был отмечен двумя тенденциями, отмеченными сложной взаимосвязью, которая редко изучалась. Прежде всего, это было время интенсивного строительства национального государства. Железные дороги способствовали развитию национальных рынков сельскохозяйственной и промышленной продукции. Национальные почтовые службы внесли свой вклад в развитие национальной экономики. Юридическое равенство граждан упразднило последние корпоративные и феодальные ограничения на экономическую деятельность. Государственное образование и общественное здравоохранение содействовали тому, чтобы общество воплотило в себе опыт национального государства. Молодые люди оказались в классных комнатах, где преподавались национальные обычаи, а личное потребление и привычки представителей общественности стали темами всеобщего изучения и обсуждения. Во многих государствах право голоса было распространено на эту недавно получившую образование массу взрослых мужчин. Были созданы гражданское население, суверенитет и нация, что в значительной степени осуществило националистическую мечту, изложенную в предыдущем разделе.

В то время как промышленность развивалась в рамках этих национализирующихся государств, защищенная тарифами от соперничающих предпринимателей, коммерческая конкуренция, основанная на представлениях о национальных интересах, положила начало новому периоду колониализма. Это была эпоха, когда европейские государства боролись за Африку, а также время обостренной конкуренции между европейскими государствами и Соединенными Штатами за контроль сырья, производимого в Карибском бассейне, Латинской Америке и Азии. Это также был период, когда стремление к монополизации источников сырья и получению рабочей силы для их производства способствовало теоретическому оформлению практики империализма.

Результатом этих различных взаимосвязанных событий, происходивших в период одновременного построения национальных государств и интенсивной глобализации, стала широкомасштабная трудовая миграция, которая охватила весь мир, и в большинстве государств не ограничивалась совсем или же ограничивалась крайне незначительно. Часть этой миграции составили свободные работники, продававшие свой труд на недавно возникшем мировом рынке труда. Другая часть состояла из кабальных работников, которые заменяли рабов на плантациях или на строительстве железных дорог и других крупных инфраструктурных проектах по всему миру, особенно в колониях [Potts 1990]. Поляки и итальянцы мигрировали в северную Францию. Швейцария принимала различные группы населения. В Англии наблюдался приток иммигрантов с континента. Промышленное развитие Германии спровоцировало миграцию с востока и юга. Бразилия приветствовала мигрантов из Европы, Ближнего Востока и Японии. Рабочие из Индии и Китая отправились в Карибский бассейн, Южную и Восточную Африку. Мексиканцы, турки, сирийцы и жители Южной и Восточной Европы мигрировали в Соединенные Штаты [Wyman 1993]. Заметим, что Америка, в настоящее время изображаемая как страна иммигрантов (в отличие от Европы), на самом деле была первым и некоторое время единственным государством, которое установило значительные барьеры для миграции. Так, в 1882 году был принят Акт об исключении китайцев, который действовал десять лет (его продлили в 1892 году). Германия, в состав которой входили земли, являвшиеся ранее частью Польского государства, в определенный период жестко контролировала и регулировала передвижения носителей польского языка (но не итальянцев или других иммигрантов), в том числе тех, у кого были немецкие паспорта. Немецкие чиновники сомневались в лояльности польскоговорящего населения германскому национальному государству и рассматривали польский национализм как серьезную угрозу сохранности недавно объединенной Германии.

Однако в целом это был период, когда даже не требовались паспорта и въездные документы. Большинство европейских стран отменило паспортно-визовую систему, которую они установили в первой половине XIX века, после того как Франция в 1861 году возглавила процесс устранения препятствий для свободного перемещения рабочей силы. К 1914 году все подобные документы в Европе были практически упразднены [Torpey 2000]. Опасаясь нехватки рабочей силы, некоторые государства пытались удержать работников от отъезда, но эти усилия оказались малоэффективными. Рабочие мигрировали в регионы, в которых было промышленное развитие, и возвращались домой или уезжали в другие места, когда наступали

плохие времена. Швейцария, Франция, Англия, Германия, Соединенные Штаты, Бразилия и Аргентина построили индустриальные экономики с помощью несметных множеств трудовых мигрантов, которые работали на фабриках, заводах, в полях и шахтах.

Тот факт, что мигранты приезжали и уезжали, поддерживали семейные связи, отправляли домой деньги на покупку земли и обеспечивали поддержку своих родных мест переводами денежных средств, считался обычной практикой. В начале этого периода мигрантам еще было легко получить гражданство даже в Германии, где многие рабочие-иммигранты приобрели немецкое гражданство (о законах о гражданстве в Германии до 1913 года см. [Borneman 1997: 98–102]). Такой легкий доступ к гражданству свидетельствовал, что народ все еще в основном определялся с точки зрения общих гражданских прав и демократической вовлеченности. Народ как нация и как группа с солидарной ответственностью стали важны только в следующий период построения национального государства. Об отсутствии препятствий для миграции и свободном режиме получения гражданства свидетельствует работа Э.Г. Равенштайна [1889], который в первом систематическом исследовании миграции не проводил теоретического различия между внутренней и международной миграциями. Напротив, Равенштайн рассматривал все перемещения людей на местности как часть единого явления, во многом зависящего от распределения экономических возможностей в физическом пространстве. Он обнаружил, что международная миграция подчиняется тем же законам, что и внутренняя миграция. Точнее, он утверждал, что во всех случаях миграция выражалась в передвижении из деревни в город и из бедных районов в более богатые. То обстоятельство, что во время международной миграции мигранты пересекали национальную границу, создавало затруднения для исследователя при сборе статистических данных, но не давало иной социальной динамики.

Тем не менее построение национального государства, начавшееся во время глобализации, в конечном счете способствовало формированию концептуальных представлений о народе, что резко повлияло на миграцию и изменило ее восприятие социологами. Концепция этнического и/или расового народа начала заменять гражданскую концепцию, изначально сформированную философами Просвещения и конкретизированную в ходе американской, французской и гаитянской революций[1]. Под народом теперь в пер-

1 Гаитянская революция (1791-1803) — революция, начавшаяся с восстания рабов в бывшей французской колонии на острове Гаити и приведшая к со-

вую очередь подразумевалась нация, объединенная общими происхождением и родиной, независимо от того, где могли странствовать ее члены. Это понятие народа придавало каждой нации собственный национальный характер, уникальность и родину, а также притязания на место под солнцем. Такой национализированный взгляд на народ развивался в условиях растущей конкуренции за политическое превосходство в Европе. Это можно наблюдать во всех историях национального становления, несмотря на столь часто комментируемые различия между Францией и Германией [Brubaker 1998; Silverman 1995]. Национальный шовинизм и расизм узаконили как создание колониальной империи того периода, так и кульминацию этой конкуренции в Первой мировой войне. Именно в контексте этой конкуренции и растущей значимости идеи нации и расы творцы национальных государств, включая элиту, политических лидеров, государственных чиновников и интеллектуалов, начали систематически пытаться стереть, отвергнуть или гомогенизировать внутреннее культурное и национальное многообразие, которое существовало во всех индустриализирующихся государствах Европы и Америки.

В этой статье нас более всего интересует роль общественных наук в переосмыслении этой проблемы. Общественные науки в этот период возникли как отдельные интеллектуальные области и способствовали трансформации представлений о нации и иммигрантах. В переходе от гражданских представлений о народе к национальным решающую роль сыграли фольклористика (в Европе) и антропология (в Европе и Соединенных Штатах). Нации все чаще рассматривались как нечто единое целое, пропитанное древними преданиями, традициями или деревенской нравственностью крестьянина, поселянина или фермера, еще не испытавшего воздействие космополитичной современности. Представление о нации как о кровно-расовом единстве распространилось по всему миру, став частью проектов построения национальных государств и имперских идеологий, которые использовались для легитимации колониальной экспансии [Dikötter 1997]. Тем временем социология разработала грандиозные схемы прогресса (переход от традиционности к современности, от сообщества к обществу), которые скрыли из виду национальные составляющие этого знаменательного преобразования. Однако, если упомянуть лишь двух интеллектуальных гигантов того времени, Дюркгейма и Вебера, они считали само

зданию независимого государства. Была вдохновлена идеями равенства и свободы, провозглашенными Просвещением и Французской революцией. Республика Гаити стала первой страной, упразднившей рабство. — *Ред-сост.*

собой разумеющимся, что именно их национально оформленные общества будет двигаться по пути в будущее на высочайшей скорости, соревнуясь с другими претендентами на статус самой цивилизованной нации.

Внутри этого научного направления, окрашенного различными формами методологического национализма, не было концептуального пространства, где можно было изучить такое формирование национального государства, которое не сводилось бы к его территориальным границам, а происходило бы в сложной диалектической взаимосвязи между государством и его колониями или между населением на национальной территории и отделенными от него государственной границей политическими беженцами, а также трансмигрантами. Лишь недавнее изучение колониализма смогло продемонстрировать, что национально-государственное построение таких стран, как Франция, Англия и даже Соединенные Штаты (когда они обзавелись колониями и начали контролировать Карибский бассейн), определялось различием, проводимым между колонизаторами и колонизированным народом или между иммигрантами и коренными жителями [Gilroy 1991; Glick Schiller 1999a, 1999b; Hall et al. 2000; Lebovics 1992; Rafael 1995; Stoler 1989]. Эти различия служили для того, чтобы гомогенизировать и придать ценность национальной культуре стран-колонизаторов и популяризировать представления о том, что это единое и сплоченное общество, отличающееся от подчиненных народов по расовому признаку.

По мере того как укоренялись националистические понятия народа и общества, представления об иммигрантах начали меняться. К концу века, хотя поток миграции в целом оставался неограниченным, мигранты стали восприниматься как люди, по-прежнему принадлежащие своей исторической родине. Многие акторы способствовали популяризации этой идеи, и это была (во многих отношениях) оборотная сторона процесса концептуализации такой картины мира, где есть различные народы, состоящие из граждан и суверена. Таким образом, присутствие вненациональных граждан становится, как отмечалось в предыдущем разделе, серьезной угрозой для национального суверенитета и безопасности.

В свою очередь, опять-таки в соответствии с недавно национализированным понятием народа, страны-доноры, включая Италию и Австро-Венгрию, начали рассматривать эмигрантов как часть своего населения, ожидая, что они вернутся. Стало понятно, что денежные переводы из-за рубежа составляют значительную часть экономик многих регионов. Государства-доноры создали учреждения, чтобы защищать эмигрантов и их контролировать. Политические беженцы, покидавшие те европейские территории, где назревала борьба за национальное самоопределение, продолжали свои уси-

лия на международном уровне. В изгнании эти лидеры рассматривали рассеянных по разным странам рабочих из своего региона как соотечественников и стремились пробудить в них националистические чувства и сформировать национальную идентичность, используя для этого собрания, газеты, религиозные организации и землячества. Работники-эмигранты, перемещавшиеся между родными регионами и странами иммиграции как внутри Европы, так и через Атлантику, начали участвовать в планах построения национального государства на своей родине. Иммигранты из Европы и Азии полагали, что выказываемая им за рубежом степень уважения повысится, если власть и престиж их родины возрастут, поэтому многие из них стали ярыми националистами.

Вся эта транснациональная политическая активность, казалось, подтверждала опасения национализирующихся государств, что иммигранты подрывают стабильность и сплоченность нации. К концу этого первого периода иммигранты стали рассматриваться как политически опасные, а в национальном или расовом плане — как принципиально иные. Считалось, что их присутствие ставит под угрозу изоморфизм между гражданами, сувереном и государством. Тем временем в Европе политические лидеры, столкнувшиеся с политическими последствиями интенсивной индустриализации, колоссальным неравенством между богатыми и бедными, усугубленным процессами глобализации и интернационалистскими революционными движениями рабочих, раздували пожар недоверия и ненависти к негражданам, который вспыхнул с началом Первой мировой войны.

Фаза II: От Первой мировой до холодной войны

Первая мировая война положила конец периоду свободного перемещения рабочей силы и другим аспектам интенсивной глобализации. Распад экономики сначала из-за войны, а затем в результате преобразования многих регионов в новые независимые государства способствовал дальнейшему закрытию границ, рассматривавшемуся как часть национальной обороны новых национализированных государств. В то же время милитаризированный процесс формирования национального государства со всеми его этническими чистками и массовыми лишениями гражданства, которые он повлек за собой, был (и остается) основной силой, порождающей беженцев [Sassen 1999, Zolberg 1983].

Массовая бойня во имя национальной чести и независимости придала идее единой национальной судьбы беспрецедентную убедительность, сделав национальную принадлежность вопросом жизни и смерти не только в окопах, но и в обществе в целом. Делить лю-

дей на друзей и врагов на основе их национального происхождения стало бытовой практикой и идеологией. Успех русской революции повлек за собой наблюдение за мигрантами как за потенциальной угрозой национальной безопасности и усилил дифференциацию между национальными и иностранными идеями и идеологиями. Политическая турбулентность того времени, когда упадку капитализма противостояла революционная политика (вооруженное восстание в Германии и подъем республиканской Испании), способствовала усилиям националистических государств по охране границ и ограничению движений политических и трудовых активистов.

Прежние меры по разработке системы миграционного контроля были пересмотрены и преобразованы в исторически новые формы охраны границ. Теперь человеку необходимо иметь разрешение на въезд в страну и проживание в ней, что создало как различие между гражданами, которые не нуждались в таких разрешениях, и иностранцами, так и между законными и незаконными резидентами государств. Полномочия по выдаче разрешений были сосредоточены в руках центрального правительства. В США эта власть, первоначально оспариваемая различными штатами, укрепила позиции федерального правительства и его роль в разграничении нации от ее врагов. В Европе новый визовый режим начал увязывать право на проживание в стране с разрешением на работу, фактически определяя иностранца как временного работника. Между двумя мировыми войнами был институционализирован целый центральный государственный аппарат по надзору, ограничению и контролю иммиграции. Иммигранты, следуя логике пограничного контроля и укрепления безопасности, стали теперь естественными врагами нации.

Фаза III: Холодная война

В период после Второй мировой войны, известный как холодная война, слепое пятно обернулось полной слепотой, почти полным стиранием исторических воспоминаний о транснациональных и глобальных процессах, в рамках которых формировались национальные государства, и роли миграции в этом формировании. Теория модернизации создавала впечатление, что Западная Европа и США развили национальную идентичность и современные государства в пределах своих собственных территориальных границ, а не во взаимодействии с глобальной экономикой и не благодаря обмену идеями. Рост Организации объединенных наций и предоставление формальной независимости большинству бывших колоний популяризировали видение мира как разделенного

на множество национальных государств, имеющих равное значение и суверенитет. Европейский послевоенный ландшафт, образованный перемещенными лицами и беженцами, был быстро перестроен в соответствии с настойчивым требованием, что каждый должен принадлежать определенному месту. В Соединенных Штатах школьники читали нравоучительные рассказы о «человеке без страны» и пели патриотические песни. Во всем мире гражданское воспитание стало приравниваться к урокам патриотизма. Согласно общим представлениям, человек мог иметь только одно национальное государство, а для того чтобы быть частью мира, ему, как считалось, требовалась национальная идентичность. Социальные науки не исследовали и не проблематизировали это представление, но приняли его как должное при разработке концепций, которые мы подробно описали в предыдущем разделе.

Вспомнив вкратце контекст холодной войны, в котором социальные науки достигли зрелости, мы можем получить дополнительное понимание, как эта обстановка формировала исследования миграции. В Европе конкуренция с Советским Союзом стимулировала развитие социал-демократических идеологий и форму капитализма социального обеспечения. Под «народом» теперь подразумевалось не только нация, гражданство, суверен, но группа солидарности. С созданием государств национального благосостояния националистический проект достиг своей кульминации и полностью осуществился. Членство в этой группе солидарности было привилегией, и государственные границы подразумевали ограничение доступа к этим привилегиям [Wimmer 1998a].

Кроме того, напряженность и подозрения времен холодной войны требовали еще более строгого контроля национальных границ и тщательного расследования мотивов всех тех, кто стремится их пересечь. Иммиграция становилась все более проблематичной. Чтобы вырваться из-за железного занавеса, нужно было быть политическим беженцем. Запад предоставлял убежище и постоянное место жительства только тем, кто бежал от коммунизма. В противном случае консенсус заключался в том, что национальные границы должны ограничивать поток населения и служить как бы стенками сосудов, в которых содержатся и культивируются национальные культуры. Тем не менее по мере того как промышленные структуры восстанавливались после войны, а депрессия и война привели к обезлюдиванию старого континента, в Западной Европе и США возник новый спрос на рабочую силу.

В этой ситуации Англия, Франция и Нидерланды обратились к собственному колониальному населению, которое было научено видеть в колониальной державе свою родину и разделяло с метрополиями язык и систему образования. Западная Германия стреми-

лась ограничить и контролировать приток рабочих, используя трудовые контракты, по которым нанимались гастарбайтеры. Будучи в состоянии конкуренции с социалистической Восточной Германией, западногерманские послевоенные лидеры столкнулись с острой необходимостью формирования национального консенсуса и трудового мира на основе щедрых социальных пособий для граждан. Гастарбайтеры рассматривались как удачное решение проблемы потребности в послушной рабочей силе для послевоенного восстановления и промышленного развития, поскольку, внося свой вклад в общее дело, они не нарушали ни культурный, ни экономический пакты, которые немецкие лидеры пытались заключить со своими гражданами. США пускали в ход обе стратегии, используя колониальное население Пуэрто-Рико и развивая программу Брасеро по привлечению мексиканского контрактного труда. Хотя эти стратегии кажутся отличными друг от друга, они обеспечивали потребности промышленности, сводя к минимуму вызовы, которые были брошены самой концепции (если не практике) национальной изоляции, натурализованной и нормализованной социальной наукой.

В США, несмотря на массированные усилия по ассимиляции, предыдущие волны иммигрантов, осевшие в городских районах, сохранили свою национальную идентичность, даже если их культурные практики все больше напоминали те, что были приняты у их соседей-рабочих [Gans 1982]. Эти группы обозначались в бытовой речи как «национальные», что отражало идеологию национальной принадлежности довоенного периода. Есть некоторые свидетельства, что внутри этих национальных групп семьи и организации начали восстанавливать транснациональные связи, нарушенные двумя мировыми войнами. Политики, проводившие кампании в иммигрантских кварталах в этот период, признавали эти связи, обещая развивать или поддерживать американскую внешнюю политику, чтобы помочь родине национальных групп, к которым они обращались: ирландцам, итальянцам, полякам, сербам или грекам [Glick Schiller 1999a, 1999b; Redding 1958; Weed 1973]. Но из-за ограничений, которые контейнерная модель общества наложила на социальные науки, многое в этой истории еще предстоит восстановить. Пока Глейзер и Мойнихан [Glazer, Monyhan 1963] не выступили с решительным заявлением о том, что надо выйти «за пределы плавильного котла», социальные науки США игнорировали устойчивые идентичности и способы организации городской политической жизни, придававшие значимость конкурирующим этническим группам, предпочитая не реагировать на классовый дискурс [Steinberg 1989]. Вместо этого иммигранты изображались как оторванные от своих родных земель, и много времени и ресурсов было вложено в измерение темпов и степени ассимиляции.

В 1960-х годах в США большая часть риторики резко изменилась, и последствия этих изменений для риторики строительства национальных государств и социальных наук отозвались по всему миру, особенно после окончания холодной войны. Катализатором изменений стало движение за гражданские права, которое разоблачило несформулированное, но институционализированное отождествление американской идентичности с белым цветом кожи. Поскольку чернокожие активисты стремились выработать для себя дифференцированную и национальную политическую идентичность, они вернулись к довоенному панафриканскому движению и возродили афроамериканскую культурную политику [Ture, Hamilton 1992/1967]. Вслед за движением Black power другие группы населения, которые были исключены из проекта расового национального строительства США с его нормативной белизной, начали разрабатывать идеологии культурного плюрализма [Glazer, Moynihan 1963; Glick Schiller 1975, 1977; Steinberg 1989]. В этом контексте, который включал в себя связанные с холодной войной последствия разоблачения расизма в США, встроенные в иммиграционное законодательство США расово понимаемые национальные квоты были окончательно отменены в 1965 году.

Теперь обратимся к Европе. В Западной Германии послевоенный проект реконструкции национального государства был направлен на обновление национальной культуры и отказ от нацистской идеологии. Народ по-прежнему определялся в первую очередь как нация общей культуры и истории, теперь включавшей ужасы нацистского периода и вытекавшую из них историческую ответственность, которая стала основным элементом коллективного сознания образованных элит. Социологи того времени не ставили под сомнение эту концепцию немецкого народа, состоящего из общей исторической судьбы и культуры, соглашаясь с мнением, что чужаки могли стать немцами только с большим трудом, хотя данные по истории Германии ясно демонстрируют широкое поглощение иммигрантов до Первой мировой войны.

Поскольку в соответствии с концептуальным разделением между автохтонами и иностранцами рабочие-иммигранты должны вернуться домой, они изначально не были предметом исследований или теории социальных наук. Но когда стало ясно, что многие из них встроились и обосновались в Германии, немецкие исследователи начали отслеживать их численность и влияние. Их главным образом интересовало, каковы будут последствия для национальной классовой системы, в частности, как появляются элементы кастовой стратификации, отделяющие иммигрантов-иностранцев от национального населения (см. новаторскую работу [Castles, Kosack 1974] или взгляд со стороны функционализма [Hoffman-Nowotny 1973]).

Самобытность мигрантов и их связи со страной происхождения воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Контраст с США впечатляет и подтверждает наши гипотезы о формировании науки конкретным опытом формирования национального государства: немецкие ученые не создали ни моделей неизбежной ассимиляции и политической интеграции, ни способов их измерения, особенно по сравнению с американской социологией, которая в послевоенные годы сначала производила все более утонченные замеры и оценки масштабов ассимиляции, а затем модели культурного плюрализма.

В Великобритании по ходу процесса включения новоприбывших, которые определялись как «черные», но при этом как «британцы», социологи обратились к теориям расовых отношений, чтобы описать и проблематизировать мигрантов, тем самым подтверждая важность расовых категорий в опыте национального строительства Великобритании во время ее имперской экспансии. Здесь, как и в других местах, ограниченный взгляд на нацию и идеологию территорий, содержащих различные национальные культуры, исключал изучение связей жителей бывших колоний со странами происхождения. В то же время транснациональное население Индии, Пакистана, Карибского бассейна и Африки помогало поддерживать британское влияние в бывших колониях в момент нарастания конкуренции с Советским Союзом и Соединенными Штатами за политическую гегемонию и доступ к сырьевым ресурсам. Но методологический национализм не допускал развития постколониальных исследований, которые бы изучали продолжающееся существование империи в эпоху формального суверенитета.

Французские ученые, как и их коллеги из других государств, приняли точку зрения своего собственного государства на связь между нацией, гражданами и сувереном [Silverman 1995]. Французский народ в первую очередь рассматривался как политическое сообщество, объединенное демократическим процессом, актом автоконституирования, который превращает граждан в членов нации, повторяя знаменитую формулу Ренана. Следовательно, иммигранты политически инкорпорируются через натурализацию, которая подразумевает и предполагает культурную ассимиляцию, превращение в члена французской нации. Политическое инкорпорирование и культурная ассимиляция гарантируют, что пятна чужеродности как можно быстрее окрашиваются в цвета триколора.

Следуя этой философии интеграции, антропологи отказались выделять изучение иммиграции в отдельное направление, потому что они не хотели создавать культурные барьеры между новыми и старыми гражданами великой нации [Meillassoux 1980]. Именно социологи дали осмысление и в то же время обоснование интеграции

по-французски, описав, как натурализация и политическое инкорпорирование в итоге создадут (через идентификацию и социальное смешение) новую группу истинных французов (это каноническая позиция Шнаппера [1991]). Даже если бы они захотели, социологи столкнулись бы с огромными трудностями в описании и подчеркивании различий между новыми и старыми французами. Национальные системы переписи населения не проводят различия между новоиспеченными и французскими гражданами. Исследование Мишель Трибала [1995] об ассимиляции иммигрантов, основанное на данных, содержащих эти различия, привело к скандалу, хотя ее результаты, к большому облегчению как политиков, так и ученых, показали, что французский ассимиляционизм работает и эффективно превращает иммигрантов во французов.

Итак, в разгар холодной войны и на пике могущества национализированных государств специфический стиль национального строительства также привел — через зеркальные эффекты методологического национализма — к различным способам рассуждений социальных наук об иммиграции. Все, кто сталкивался с трудностями межнационального общения во время конференций, не говоря уже о трудностях в процессе сотрудничества в рамках совместных исследовательских проектов, испытывали это взаимное отчуждение, а иногда даже недоумение (о связи между стилями национального строительства и философией интеграции иммигрантов см. также [Brubaker 1992; Castles 1995; Favell 1998]).

За пределами методологического национализма?

Период глобализации, вызвавший появление транснациональной парадигмы, преобразовал миграционные исследования. Экономическое переустройство нынешней глобализации восходит к 1970-м годам, ознаменованным отказом от Бреттон-Вудской системы, переносом промышленного производства из США и Европы в места с более низкими трудовыми затратами, развитием новых путей организации и ускорения перемещения капитала.

Мировой экономический кризис и нефтяной кризис 1970-х годов, которые могли способствовать новому периоду глобализации, стимулировали антииммигрантские движения по всей Европе; согласно общему консенсусу, следовало ограничить иммиграцию строго до нуля. К тому времени местные жители привыкли винить во всем иностранцев, хотя само отождествление объединенного территорией населения с национальным государством (причем государством только одной нации) было относительно новым изобретением. Стремление решать проблему запретом миграции, которая в действительности имеет системный характер, принимало различные

формы в разных местах и осуществлялось с возрастающей суровостью в течение 20 лет, ограничивало гражданские права населения бывших колоний и резко закрыло программы для гастарбайтеров. Риторика нулевой иммиграции маскировала тот факт, что дверь оставалась открытой для иммиграции членов семей, высококвалифицированных специалистов и лиц, относящихся к категории политических беженцев. В действительности быстрые темпы глобализации, ускоренные осуществлением экономических реформ в России и Восточной Европе после окончания холодной войны и в Азии после финансового кризиса 1990-х годов, ускорили темпы миграции. В настоящее время в разных местах миграция структурируется, понимается и обсуждается в рамках различных категорий: потоки беженцев, воссоединение семей, въезд квалифицированных рабочих по специальным визам, контрактный домашний труд и нелегалы.

Социологические теории миграции фундаментально не менялись, пока холодная война не кончилась и не были устранены некоторые барьеры, воздвигнутые методологическим национализмом, что произошло вместе с падением Берлинской стены. Исследователи из разных дисциплин вместе с политическими лидерами и журналистами стали говорить, что мир становится качественно иным, и применяли термин «глобализация» к тому, что они наблюдали: к потокам людей, идей, объектов и капитала, движущихся через государственные границы.

В антропологии это лихорадочное увлечение глобализацией привело к тому, что мы бы назвали «разъятием» предыдущих парадигм. Мы слышали о разрыве, распределении, разобщении, разделении, разъединении и разборе старых стабильностей, знаний, соглашений и идентичностей [Appadurai 1990, 1991, 1993; Featherstone 1993; Rouse 1991]. Работая независимо друг от друга на восточном и западном побережьях США, антропологи и социологи-этнографы стали утверждать, что складывается новая форма миграции, которую они назвали транснационализацией [Glick Schiller, Fouron 1991; Glick Schiller et al. 1992; Goldring 1996; Guarnizo 1997; Kearney 1991; Levitt 1997; Rouse 1992]. Затем этот тренд поддержал социологический мейнстрим, значительно поспособствовав его оформлению и распространению [Portes et al. 1999]. Еще до того как антропологи и социологи начали говорить о транснациональной миграции, были доступны новые данные, описывающие транснациональные связи между недавними мигрантами, но методологический национализм не позволял исследователям в полной мере оценить и теоретизировать то, что они видели [Chaney 1979; Gonzalez 1988].

Первая волна глобальных исследований породила ряд проблематичных предположений. Во-первых, исследователи были склонны

рассматривать в качестве двигателя изменений коммуникационные технологии, такие как компьютеры, телефоны, телевизоры, спутники связи и другие электронные инновации. Внезапно у нас возник общий визуальный опыт: один и тот же опыт войны, один и тот же опыт концерта, рекламы, информационной эры. Сила новых технологий в сочетании с постмодернистским подчеркиванием стабильности прошлого и текучести настоящего привели к довольно грубому технологическому детерминизму, странно контрастирующему с конструктивистским импульсом большей части этой литературы. Это препятствовало обсуждению более широких социальных и экономических сил прошлого и настоящего, которые сформировали транснациональные связи, соединившие части земного шара. Кроме того, было отвергнуто или забыто влияние прошлых технологий, которые облегчали предыдущие скачки в глобальной интеграции, включая пароход, телеграф, телефон и радио.

Во-вторых, первая волна транснациональных исследований, как правило, рассуждала о глобализации как об эпохальном повороте, исходя из позиции, что в предыдущий исторический период единицы анализы были связаны и ограничены, и люди жили внутри этих единиц: племен, этнических групп и государств. Многие исследователи утверждали, что рост трансграничной активности сигнализирует о гибели национального государства как центра власти и мощного источника политики идентичности [Kearney 1991]. Прошлое было статичным, настоящее стало текучим; в прошлом были однородные культуры, тогда как теперь мы живем в мире гибридности и сложности.

Последовала вторая волна глобальных исследований, которая стремилась преодолеть концептуальные недостатки первой. Мы упомянем здесь несколько моментов. Начнем с признания того, что глобализация сама по себе не является новым явлением [Went 2000; Wimmer 2001a]. Как показывает наша статья, в мире после окончания холодной войны не просто произошли значительные изменения: мы переживаем смену парадигмы. Мы смогли приступить к анализу и обсуждению транснациональной миграции и феномена дистанционного национализма[1], поскольку сменили призму, через которую постигаем и анализируем мир, отбросив предубеждения методологического национализма.

1 Данный термин (long distance nationalism) предложил в конце 1990-х годов Бенедикт Андерсон для описания национальной лояльности мигрантов к стране своего происхождения. См.: Anderson B. (1998) *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World*. London: Verso. — *Ред.-сост.*

Поднимая вопрос, чем на самом деле являются новая глобализация и транснационализация, это новое, более сложное исследовательское направление распутывает долгосрочные тенденции, периодические повторения и новые явления в историческом развитии глобальных связей [Glick Schiller 1999a, 1999b, 1999c; Panitch 1996, 2000; Smith 1997; Went 2000; Wilson, Donnan 1998]. Действительно, с начала европейской экспансии в XV веке различные формы экономической деятельности, потоки объектов и вещей охватили весь земной шар. Колонизация являлась глобальным процессом, который связал воедино разрозненные территории и народы. Некоторые исследователи стали доказывать, что в XIX веке мир был более глобально интегрирован, чем сегодня, или что мы только сейчас возвращаемся к тому типу интеграции, который был характерен для земного шара до начала Первой мировой войны (краткое изложение дискуссии по теме см. [Jessop 1999]). Тем не менее существует консенсус, что современные процессы глобализации, по-видимому, глубже проникли в ритм повседневной жизни по всему миру [Held et al. 1999].

Во-первых, на смену первым восторженным — в силу своей новизны — исследованиям диаспоральных идентичностей в миграционных исследованиях пришли более глубокие работы, рассматривавшие исторические глубины диаспорального опыта [Cohen 1997; Foner 1997, 2001; Morawska 2001]. Это позволяет нам оценить транснациональные практики, благодаря которым возникли культуры Карибского бассейна и постколониальные общества от Индии до Самоа.

Во-вторых, исследователи Азии и Латинской Америки стали изучать включенность своих регионов в глобальные процессы, тем самым преодолевая еще одно ограничение методологического национализма и разрушая национальный уклон парадигмы развития и модернизации. Важную роль в исследовании локальных и региональных различий в том, как соединяются локальное и глобальное, играют антропологи. Им также принадлежат описания азиатских дискурсов об «альтернативных модернах» и изучение особенностей транснациональных процессов в Китае и Юго-Восточной Азии [Ong 1997; Ong, Nonini 1997; Smart 1997; Szanton Blanc 1997]. Таким образом, однонаправленное изображение истории и глобализации, наследие схем больших социологических теорий постепенно сменяется признанием того, что существует множество путей к модерну и внутри него [Eisenstadt 2000; Therborn 1995; Wimmer 2001b].

В-третьих, в настоящее время больше внимания уделяется устойчивой роли национального государства в транснациональных процессах. Становится все более очевидным, что национальное государство намного более успешно в преодолении бурь пост-

социализма, постколониализма и глобализации, чем считалось на первых этапах исследований глобализации [Panitch 2000; Sassen 1996, 2001]. Предметом интереса исследователей также стало то, как в прошлом и настоящем национальные государства поддерживают устойчивую связь со своим населением за границей, тем самым снижая значимость заявлений об «упадке национального государства» [Basch et al. 1994; Glick Schiller 1999a, 1999b, 1999c; Guarnizo 1997, 1998; Guarnizo, Diaz 1999; Mahler 1998; R. Smith 1998; Smith, Guarnizo 1998].

Наконец, была разработана концепция дистанционного национализма; она использует наблюдения о «земляческом» национализме, которые первыми сформулировали, но теоретически не развили представители Чикагской школы и исследователи национализма [Anderson 1993, 1994; Fuglerud 1999; Glazer 1954; Skrbis 1999]. Дистанционный национализм связывает людей, живущих в разных географических локациях, и побуждает их действовать определенным образом по отношению к своей исторической родине и ее правительству. Благодаря таким идеологическим связям территория, ее народ и правительство становятся трансграничным явлением. Дистанционный национализм может объединять иммигрантов, их потомков и людей, оставшихся на родине, в хрупкую, но наделенную своим особым голосом трансграничную группу граждан [Glick Schiller, Fouron 2001a: 17-20]. Как и в других вариантах национализма, такая концепция народа по-прежнему объединяет в себе сообщество граждан, суверенитет, нацию и группу солидарности, остается важной, но эти воплощения в меньшей степен совпадают и менее связаны с территорией.

Таким образом, стало возможно изучать и теоретически мыслить ряд вопросов, связанных с транснациональной миграцией и дистанционным национализмом, с которыми нельзя было работать в предыдущие периоды. Однако это не означает, что мы освободились от влияния методологического национализма. Мы все еще пытаемся понять, как наше видение формируется и искажается нашим собственным положением в сетке национальных государств и ограничениями, которые это накладывает на наши научные взгляды. Поэтому в завершение этого раздела рассмотрим некоторые области, в которых методологический национализм очевидно присутствует.

Диаспоральные исследования часто отслеживают рассредоточенные по миру группы вне зависимости от того, где они поселились, фокусируясь на динамике взаимосвязей, ностальгии, памяти и идентичности внутри определенного народонаселения в их соотношении с исторической родиной. Нация, уже не заключенная в территориальные границы, простирается за пределы различных

территорий и мест, но тем не менее представляется как органическое, интегрированное целое. В этом *modus operandi* обычно упускается из виду процесс построения национальных государств, который затрагивает диаспоры, расположенные в различных местах. Если исследуются отношения между диаспорой и построением национального государства, то лишь с точки зрения страны происхождения диаспоры и ее политики. Таким образом, пускай и в иной форме, но воспроизводятся образ и аналитические методы, связанные с описанием сплоченного национального контейнерного общества.

Аналогичные замечания можно сделать относительно изучения транснациональных сообществ. Здесь во многом применима критика прошлых ошибок, допущенных при изучении сообществ: многие транснациональные исследования преувеличивают внутреннюю однородность и сплоченность транснациональных сообществ, переоценивают сдерживающую силу в случае индивидуальных поступков, упускают из виду важность взаимодействий между сообществами, так же как и внутренние разделения по классу, гендеру, региону и политике. Они концептуально слепы к случаям, когда среди мигрантов не образуются транснациональные сообщества или уже существующие сообщества прекращают быть значимыми для людей. Более того, обычно не допускается, что одна транснациональная идентичность может иметь разные значения, которые увлекают акторов в разные политические стороны и побуждают к заключению разных союзов. Иными словами, когда миграционные транснациональные поля и сети изучаются так, словно это отдельные сообщества. Такой подход, как правило, приводит к их материализации и эссенциализации аналогично тому, как прошлые подходы материализовывали национальные сообщества или школа Редфилда эссенциализировала крестьянские сообщества.

Как ни странно, неокоммунитаризм транснациональных исследований также воспроизводит стандартный образ мира, разделенного на нации, и таким образом натурализует соответствующее видение мира в новых формах. Семантически транс*национальный* отсылает нас к нетранс*национальному* или просто к национальному как к сущности, которая пересекается или вытесняется. Мигранты больше не считаются оторванными от корней или карабкающимися по ступеням ассимиляции к национальным средним классам, но они остаются другими, посторонними и чуждыми национально сплоченному обществу. Исследование связей между транснациональными мигрантами и акторами внутри различных населенных пунктов, где они оседают и в которые они переезжают, могут вывести нас за пределы статичной, материализованной и эссен-

циализированной концепции сообщества и привести к изучению мигрантов и немигрантов в рамках социальных полей дифференцированной власти [Nyiri 1999; Ong 1999; Wimmer 1998b].

Несколько заключительных замечаний

Выход за пределы методологического национализма в изучении текущей миграции может потребовать чего-то большего, чем просто переноса внимания с нации и иммигрантов на транснациональные сообщества. Для того чтобы выйти за пределы поля притяжения устоявшихся методологий, способов определения объекта анализа и алгоритмов структурирования вопросов, нам, возможно, придется разработать (или заново открыть?) аналитические инструменты и концепции, которые не навеяны идеей самоочевидного деления мира на национальные государства. Вместе со многими другими современными исследователями общественных наук мы считаем это главной задачей, стоящей перед нами. Такой набор аналитических инструментов мы, конечно, здесь предложить не можем [Castles 2001; Wimmer 2002].

Скорее, одной из наших задач была попытка описать с большей точностью препятствия, которые необходимо преодолеть на пути к новой социальной теории. Важным шагом в этом направлении становится осознание, что наше восприятие миграции, включая некоторые из недавних работ по транснационализму, сформировалось в результате проекта строительства национального государства в мире модерна. Это может предостеречь нас, увлеченных погоней за новизной, от того, чтобы устремиться сломя голову по самому вроде бы многообещающему пути без понимания, как мы оказались на перекрестке, на котором мы сейчас стоим. Взгляд назад поможет нам определить тропинки, которые вернут нас туда, где мы сегодня находимся. Предложены три типа методологического национализма, которые сформировали программу социальных наук: игнорирование, натурализация и территориальные ограничения. Мы также определили способы, с помощью которых они повлияли на основные исследования миграции. Характеризуя иммигрантов как угрозу политической безопасности, как «других» в культурном отношении, как маргиналов в социальном плане и как исключение из правила территориального ограничения, исследования миграции точно отразили националистический образ нормальности.

Наша вторая цель состояла в том, чтобы обрисовать, пускай довольно грубыми и широкими мазками, историю прошлого века, которая поможет нам понять, как научный взгляд оказался инкорпорирован в «тело» нации и как развивались отношения между ними на различных этапах ее строительства. Мы начали этот исто-

рический обзор с периода неограниченной миграции в обстановке глобализированной экономики и жесткой конкуренции между национализировавшимися государствами и закончили его новым периодом усиленной глобализации, приходящимся уже на нашу эпоху. В промежутке между этими периодами структурные элементы экономической, политической и культурной жизни все сильнее ограничивались по национальному признаку, и контейнерная модель общества утвердила свою гегемонию над общественными науками. Мы показали на всех этапах, как в процессе строительства национального государства формировались различные позиции по отношению к трансграничной миграции и интеграции иммигрантов, которые отражались, поддерживались или даже производились основными концепциями миграционных исследований. Исторически обоснованный взгляд сверху позволил нам понять, что именно исследователи миграции замечали, а что — нет, и каким образом возникали различные слепые зоны. Мы встали на точку зрения исследователя второго порядка, анализируя то, что анализируют (или же не анализируют) профессионалы в сфере социальных наук.

Таким образом, мы попытались показать, как можно преодолеть методологические ограничения исследований первого порядка. Наша попытка приняла форму антропологически обоснованного исторического повествования. Такой подход не представляет хорошо разработанных концептуальных инструментов, которые позволили бы разработать эту точку зрения более систематически. Это задача на будущее. Однако здесь следует сделать одно предостережение. Конечно, было бы наивно полагать, что однажды мы создадим теоретический язык, не находящийся под глубоким влиянием окружающих нас социальных и политических сил. Большинство из нас отказались от мечтаний о том, чтобы достичь архимедовой точки объективности. Столь же наивно было бы утверждать, что методологический национализм препятствовал открытию истинного понимания мира, которого следует достичь сейчас. Времена, когда процветала зеркальная концепция реальности и научного описания, прошли.

Хотя мы стремимся к адекватному пониманию того, что происходит в настоящее время, уже можно предвидеть, что новые концепции непременно ограничат и сформируют нашу перспективу, вновь вынудив нас не придавать значения некоторым событиям и переоценивать другие. Каждая четкая концептуальная структура неизбежно сужает круг возможных интерпретаций, как и эмпирических областей, которые могут быть предметом осмысленной интерпретации. Понять — значит понизить степень сложности. За рамками этой прописной истины перед нами стоит задача опре-

делить, какие понижения сложности помогают лучше всего понять современный мир, а какие упускают слишком много оттенков голоса и интонации, превращая их в то, что разработчики моделей называют «шумом». Хотя основная часть этой статьи посвящена описанию Харибды методологического национализма, мы хотели бы завершить ее предостережением от Сциллы методологического флюидизма.

Именно к этому в настоящее время, как кажется, стремится большая часть современной теории. Там, где раньше были фиксированные границы, все теперь непосредственно и одинаково связано. Структурность заменяется флюидностью; неподвижность — движением. Если раньше иммигрант изображался как маргинальное исключение из правила национальной оседлости, то теперь прототипом человеческого состояния становится транснациональная жизнь мигрантов в постоянном перемещении. Территориальную ограниченность анализа преодолели за счет нарастающих рассуждений о детерриториализации и делокализации. Современная социальная теория, например, в работах Урри [2000] или Папастергиадиса [2000], подвергшихся жесткой критике со стороны Фавелла [2001], похоже, охотится за разлетающимися по миру означающими, движимыми новыми способами коммуникации и глобализованных рынков.

Многие склонны забывать, что производство для этих рынков базируется в конкретных географических точках и осуществляется в сплоченных, хотя и не необязательно территориально ограниченных социальных средах [Sassen 2001]. Более того, важно избавиться от шор методологического национализма, но не менее важно помнить об устойчивой силе национализма. Сведение мира к глобальному рынку не может объяснить, почему при определенных обстоятельствах не только политические деятели, но и бедные и обездоленные слои населения продолжают формулировать свои требования социальной справедливости и равенства при помощи националистической риторики, и почему мигранты иногда усваивают разновидности географически отдаленного национализма [Glick Schiller, Fouron 2001a, 2001b].

Драматическое заявление Стюарта Холла (1989) о том, что «мы все теперь мигранты», уже не так верно в 2001 году, как это было в 1989-м, когда он призвал выйти за пределы мыслительной оппозиции «граждане со стабильной национальной культурой» и «мигранты с оспариваемой идентичностью». Верно не только то, что 95% людей в мире не являются мигрантами, но также верно и то, что, несмотря на глобальные медиа и стремительные потоки информации, национальная идентичность очевидно выражена во многих местах по всему миру.

Мы также не можем беспечно занять космополитическую точку зрения: ни как описание постнациональной стадии идентичности, ни как политическую цель, которой необходимо достичь [Beck 2000]. Такая позиция может быть полезна для деконструкции национализма, поскольку она предлагает иное направление дискуссий об изобретаемом или воображаемом сообществе. Однако она не признает то, что национализм является мощным означающим, который по-прежнему имеет смысл для разных субъектов, применяется для разных целей и имеет разные политические последствия [Fouron, Glick Schiller, 2003; Friedman 1996; Glick Schiller, Fouron 2001a, 2001b]. Миновав Сциллу флюидизма и риторику космополитизма, насущной задачей остается разработка концептуального инструментария для изучения миграции, который делал бы нечто большее, чем просто отражал предубеждения и само собой разумеющиеся допущения нашего времени.

Благодарности

Мы хотели бы поблагодарить организаторов и участников конференции SSRC по транснациональной миграции, состоявшейся в Принстонском университете в июне 2001 г., где была представлена первая версия статьи. Мы особенно благодарны Стивену Каслсу и Аристиду Золбергу за их широкое и вдохновляющее обсуждение статьи, а также Петеру ван дер Виру, Райнеру Баубеку, Вемеру Шиффауэру, Роберту Смиту, Еве Моравской и Хосе Казанове за их комментарии и критику. Майкл Боммес прочитал рукопись и дал содержательные комментарии, за которые мы также хотели бы его поблагодарить.

Библиография / References

Anderson B. (1993) The new world disorder. *New Left Review*, (193): 2–13.

Anderson B. (1994) Exodus. *Critical Inquiry*, (20): 314–327.

Appadurai A. (1990) Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Public Culture*, (2): 1–24.

Appadurai A. (1991) Global ethnoscapes: notes and queries for a transnational anthropology. R. Fox (ed.) *Recapturing anthropology*, Santa Fe, NM: School of American Research Press.

Appadurai A. (1993) Patriotism and its futures. *Public Culture*, (5): 411–29.

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc C. (1994) *Nations unbound: transnational projects, postcolonial predicaments and deterritorialized nation-states*, Amsterdam: Gordon and Breach.

Beck U. (2000) The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity. *British Journal of Sociology*, (51): 79–105.

Bender T. (2001) Writing national history in a Global Age, *Correspondence: an international review of culture and society*, 7.

Berlin I. (1998) Nationalism: past neglect, present power. H. Hardy, R. Hausheer (eds) *The proper study of mankind: an anthology of essays*, London: Pimlico: 581–604.

Billig M. (1995) *Banal nationalism*, London: Sage.

Bolzman C., Rosita F., Marie V. (2000) Adultes issus de la migration: le procesus d'insertion d'une génération à l'autre. *Rapport de recherche au PNR39*, Genève: Institut d'études socials, manuscript.

Bommes M., Halfmann J. (1994) Migration und Inklusion: Spannungen zwischen Nationalstaat und Wohlfahrtsstaat. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, (46): 406–424.

Borneman J. (1997) State, territory, and national identity formation in the two Berlins, 1945–1995. A. Gupta, J. Ferguson (eds) *Culture, power and place: explorations in critical anthropology*, Durham, NC: Duke University Press: 93–117.

Breuilly J. (1993) *Nationalism and the state*, Manchester: Manchester University Press.

Brubaker R. (1992) *Citizenship and nationhood in France and Germany*, Harvard: Harvard University Press.

Brubaker R. (1998) Myths and misconceptions in the study of nationalism. J. Hall (ed.) *The state of the nation: Ernest Gellner and the theory of nationalism*, Cambridge: Cambridge University Press: 272–306.

Calhoun C. (1997) *Nationalism*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Castles S. (1995) How nation-states respond to immigration and ethnic diversity. *New Community*, 21: 293–308.

Castles S. (2001) Studying social transformation. *International Political Science Review*, 22: 13–32.

Castles S., Kosack G. (1974) *Immigrant workers and class structure in Western Europe*, London: Oxford University Press.

Chaney E. (1979) The world economy and contemporary migration. *International Migration Review*, 13: 204–212.

Cinel D. (1982) *From Italy to San Francisco: the immigrant experience*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Cohen R. (1997) *Global diasporas: an introduction*, Seattle: University of Washington Press.

Dikötter F. (1997) Racial discourse in China: continuities and permutations. F. Dikötter (ed.) *The construction of racial identities in China and Japan: historical and contemporary perspectives*, Honolulu: University of Hawaii Press: 12–33.

Eisenstadt S. N. (2000) Multiple modernities. *Daedalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences*, 129: 1–29.

Esser H. (1988) Ethnische Differenzierung und moderne Gesellschaft. *Zeitschrift für Soziologie*, 17: 235–248.

Favell A. (1998) *Philosophies of integration: immigration and the idea of citizenship in France and Britain*, London: Macmillan.

Favell A. (2001) Review essay: Migration, mobility and globaloney: metaphors and rhetoric in the sociology of globalization. *Global Networks*, 1: 389–398.

Favell A. (2004) Integration nations: the Nation-State and research on immigrants in Western Europe. M. Bommes, E. Morawska (eds) *International Migration Research: Constructions, Omissions and the Promises of Interdisciplinarity*. Aldershot, Hants, England Burlington, VT: Ashgate: 41-68.

Featherstone M. (ed.) (1993) *Global culture: nationalism, globalization and modernity*, London: Sage.

Foner N. (1997) What's new about transnationalism? New York immigrants today and at the turn of the century. *Diaspora*, 6: 355–374.

Foner N. (ed.) (2001) *Islands in the city: West Indian migration to New York*, Berkeley: University of California Press.

Fouron G., Glick Schiller N. (2003) Killing me softly: violence, globalization and the apparent state. J. Friedman (ed.) *Globalization, the state and violence*, Lanham, MD: AltaMira Press.

Friedman J. (1996) Politics of de-authentification: escaping from identity, a commentary on "beyond authenticity" by Mark Rogers. *Identities*, 3: 127–136.

Fuglerud Ø. (1999) *Life on the outside: the Tamil diaspora and long distance nationalism*, London: Pluto.

Gabaccia D.R. (2000) *Italy's many diasporas: elites, exiles and workers of the world*, Seattle: University of Washington Press.

Gans H. (1982) *The urban villagers: group and class in the life of Italian-Americans*, New York: Free Press.

Gellner E. (1983) *Nations and nationalism*, Ithaca: Cornell University Press.

Giddens A. (1995) *Nation-state and violence*, Los Angeles: University of California Press.

Gilroy P. (1991) *There ain't no black in the Union Jack: the cultural politics of race and nation*, Chicago: University of Chicago Press.

Gilroy P. (1993) *The black Atlantic: modernity and double consciousness*, Cambridge, MA:

Harvard University Press.

Glazer N. (1954) Ethnic groups in America: from national culture to ideology. M. Berger, T. Abel, C. Page (eds) *Freedom and control in modern society*, New York: Van Nostrand: 158–173.

Glazer N., Moynihan D.P. (1963) *Beyond the melting pot: the Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City,* Cambridge, MA: MIT Press.

Glick Schiller N. (1975) *The formation of a Haitian ethnic group*. Ph.D. dissertation, New York: Columbia University.

Glick Schiller N. (1977) Ethnic groups are made not born. G.L. Hicks, P.E. Leis (eds) *Ethnic encounters: identities and contexts*, North Scituate, MA: Duxbury Press: 23–35.

Glick Schiller N. (1999a) Transmigrants and nation-states: something old and something new in US immigrant experience. C. Hirschman, J. DeWind, P. Kasinitz (eds) *Handbook of international migration: the American experience*, New York: Russell Sage: 94–119.

Glick Schiller N. (1999b) Who are these guys? A transnational perspective on national identities. L. Goldin (ed.) *Identities on the move: transnational processes in North America and the Caribbean Basin*, Houston: University of Texas Press: 15–44.

Glick Schiller N. (1999c) Transnational nation-states and their citizens: the Asian experience. K. Olds, P. Dicken, P. Kelly, L. Kong, H. Wai-chung Yeung (eds) *Globalization and the Asia Pacific*, London: Routledge: 202–218.

Glick Schiller N. (2000) *Long distance nationalism: pasts, presents, and futures* (paper delivered at Harvard Anthropology Seminar).

Glick Schiller N., Fouron G. (1991) Everywhere we go we are in danger: Ti manno and the emergence of a Haitian transnational identity. *American Ethnologist*, 17: 329–347.

Glick Schiller N., Fouron G. (2001a) *Georges woke up laughing: long distance nationalism and the search for home*, Durham, NC: Duke University Press.

Glick Schiller N., Fouron G. (2001b) I am not a problem without a solution: poverty, transnational migration, and struggle. J. Maskovsky, J. Good (eds) *New poverty studies: the ethnography of politics, policy and impoverished people in the US*, New York: New York University Press: 321–363.

Glick Schiller N., Basch L., Blanc Szanton C. (1992) *Towards a transnational perspective on migration: race, class, ethnicity and nationalism reconsidered*, New York: New York Academy of Sciences.

Glick Schiller N., Basch L., Blanc Szanton C. (1995) From immigrant to transmigrant: theorizing transnational migration. *Anthropology Quarterly*, 68: 48–63.

Goldring L. (1996) Blurring borders: constructing transnational community in the process of Mexico–US migration. *Research in Community Sociology*, 6: 69–104.

Gonzalez N. (1988) *Soujourners of the Caribbean: ethnogenesis and ethnohistory of the Garifuna,* Urbana: University of Illinois Press.

Guarnizo L.E. (1997) The emergence of a transnational social formation and the mirage of return migration among Dominican transmigrants. *Identities*, 4: 281–322.

Guarnizo L.E. (1998) The rise of transnational social formations: Mexican and Dominican state responses to transnational migration. *Political Power and Social Theory*, 12: 45–94.

Guarnizo L.E., Diaz L.M. (1999) Transnational migration: a view from Colombia. *Ethnic and Racial Studies*, 22: 397–421.

Guernée B. (1986) Des limites féodales aux frontières politiques. P. Nora (ed.) *Les lieux de mémoire*. vol. 2. *La Nation*, Paris: Gallimard: 11–34.

Guibernau M. (1997) Marx and Durkheim on nationalism. H.-R. Wicker (ed.) *Rethinking nationalism and ethnicity: the struggle for meaning and order in Europe*, Oxford: Berg: 73–90.

Hall C., McClelland K., Rendall J. (2000) *Defining the Victorian nation: class, race, gender and the British Reform Act of 1867*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hall S. (1989) Ethnicity, identity and difference. *Radical America*, 23: 9–20.

Harrington M. (1982) Loyalties: dual and divided. S. Thernstrom (ed.) *The politics of ethnicity*, Cambridge: MA: Belknap Press: 104–109.

Hayek von F. (1943) Scientism and the study of society. *Economica*, 10: 34–63.

Held D., McGrew A. Goldblatt D., J. Perraton (1999) *Global transformations: politics, economics and culture*, Oxford: Polity Press.

Henke R. (2001) Funding possibilities for ex ante designed internationally comparative empirical research. Report prepared for the Metropolis International Steering Committee, manuscript.

Hoffmann-Nowotny H.-J. (1973) *Soziologie des Fremdarbeiterproblems: Eine theoretische und empirische Analyse am Beispiel der Schweiz*, Stuttgart: Enke.

Hondrich K.O. (1992) Wovon wir nichts wissen wollten. *Die Zeit,* 25 September.

Imhof K. (1997) Nationalism and the theory of society. H.-R. Wicker (ed.) *Rethinking nationalism and ethnicity: the struggle for meaning and order in Europe*, Oxford: Berg: 57–72.

Jessop B. (1999) Reflections on globalization and its (il)logic(s). K. Olds, P. Dicken, P. Kelly L. Kong, H. Wai-chung Yeung (eds) *Globalization and the Asia-Pacific: contested territories*, London: Routledge: 19–38.

Karakasidou A.N. (1994) Sacred scholars, profane advocates: intellectuals molding national consciousness in Greece. *Identities*, 1: 35–62.

Kearney M. (1991) Borders and boundaries of the state and self at the end of empire. *Journal of Historical Sociology*, 4: 52–74.

Kwong P. (1987) *The new Chinatown*, New York: Hill and Wong.

Lebovics H. (1992) *True France: the wars over cultural identity, 1900–1945*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Lemelle S., Kelley R. (1994) *Imagining home: class, culture and nationalism in the African diaspora*, London: Verso.

Lesser J. (1999) *Negotiating national identity: immigrants, minorities and the struggle for ethnicity in Brazil*, Durham, NC: Duke University Press.

Levitt P. (1997) Transnationalizing community development: the case of migration between Boston and the Dominican Republic. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 26: 509–526.

Lieberson S. (1980) *A piece of the pie: black and white immigrants since 1880*, Berkeley: University of California Press.

List F. (1974/1856) *National system of political economy*, New York: Garland.

Luton H. (1976) The satellite/metropolis model: a critique. *Theory and Society*, 3: 573–581.

McCrone D. (1998) *The sociology of nationalism*, London: Routledge.

Mahler S. (1998) Theoretical and empirical contributions toward a research agenda for transnationalism. M.P. Smith, L.E. Guarnizo (eds) *Transnationalism from below*, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers: 64–100.

Mann M. (1993) *The sources of social power, volume II: the rise of classes and nation-states, 1760–1914*, Cambridge: Cambridge University Press.

Martins H. (1974) Time and theory in sociology. J. Rex (ed.) *Approaches to sociology: an introduction to major trends in British sociology*, London; Boston: Routledge and Kegan Paul: 246–294.

Mayall J. (1990) *Nationalism and international society*, Cambridge: Cambridge University Press.

Meillassoux C. (1980) Gegen eine Ethnologie der Arbeitsmigration. J. Blaschke, K. Greussing (eds) *Dritte Welt in Europa*, Frankfurt: Syndikat: 53–59.

Mittleman J. (1996a) The dynamics of globalization. J. Mittleman (ed.) *Globalization: critical reflections*, Boulder, CO: Lynne Reinner: 1–20.

Mittleman J. (1996b) How does globalization really work? J. Mittleman (ed.) *Globalization: critical reflections*, Boulder, CO: Lynne Reinner: 21–32.

Morawska E. (2001) The new-old transmigrants, their transnational lives and ethnicization: a comparison of 19th/20th and 20th/21st C. situations. J. Mollenkopf, G. Gerstle (eds) *Immigrants, civic culture and modes of political incorporation*, New York: Sage and Social Science Council: 175–211.

Niculescu G.-A. (2002) Nationalism and the representation of society in Romanian archaeology. A. Oroveanu et al. (eds) *Nation and national ideology: past, present and prospects*, Bucharest: New Europe College.

Nodia G. (1992) Nationalism and democracy. *Journal of Democracy*, 3 (4): 3–22.

Nordman D. (1997) Des limites d'état aux frontières nationales. P. Nora (ed.) *Les lieux de mémoire: la nation.* vol. 1, Paris: Gallimard, 1125–1146.

Nyiri P. (1999) *New Chinese migrants in Europe: the case of the Chinese community in Hungary*, Aldershot: Ashgate.

Ong A. (1997) A momentary glow of fraternity: narratives of Chinese nationalism and capitalism. N. Glick Schiller (ed.) *Narratives of capitalism. Special issue of Identities*, 3: 331–366.

Ong A. (1999) *Flexible citizenship: the cultural logic of transnationality*, Durham, NC: Duke University Press.

Ong A., Nonini D. (eds) (1997) *Ungrounded empires: the cultural politics of Chinese transnationalism*, New York: Routledge.

Panitch L. (1996) Rethinking the role of the state. J. Mittleman (ed.) *Globalization: critical reflections*, Boulder, CO: Lynne Reinner: 83–113.

Panitch L. (2000) The new imperial state. *New Left Review*, 2: 5–20.

Papastergiadis N. (2000) *The turbulence of migration: globalization, deterritorialization and hybridity*, Cambridge: Polity Press.

Park R.E. (1950) *Race and culture*, Glencoe, IL: Free Press.

Park R.E. (1974/1925) Immigrant community and immigrant press and its control. E. Hughes, C. Johnson, J. Masuoka, R. Redfield, L. Wirth (eds) *The collected papers of Robert Park*, New York: Arno: 152–164.

Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. (eds) (1999) Transnational communities, special issue of *Ethnic and Racial Studies*, 22 (2).

Potts L. (1990) *The world labour market: a history of migration*, London: Zed Books.

Radtke F.-O. (1996) Fremde und Allzufremde. Zur Ausbreitung des ethnologischen Blicks in der Einwanderungsgesellschaft. H.-R. Wicker, J.-L. Alber, C. Bolzman,

R. Fibbi, K. Imhof, A. Wimmer (eds) *Das Fremde in der Gesellschaft: Migration, Ethnizität und Staat*, Zurich: Seismos: 333–352.

Rafael V. (1995) *Discrepant histories: translocal essays on Filipino cultures*, Philadelphia: Temple University Press.

Ravenstein E.G. (1889) The laws of migration: second paper. *Journal of Royal Statistical Society*, 52: 241–305.

Redding J. (1958) *Inside the Democratic Party*, Indianapolis: Bobbs-Merrill.

Renan E. (1947/1882) Que'est-ce qu' une nation? *Oeuvres complètes*, vol. 1, Paris: Calmann-Levy: 887–890.

Rodgers D. (1998) *Atlantic crossings: social politics in a progressive age*, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard.

Rouse R. (1991) Mexican migration and the social space of postmodernism. *Diaspora*, 1: 8–23.

Rouse R. (1992) Making sense of settlement: class transformation, cultural struggle and transnationalism among Mexican migrants in the United States. N. Glick Schiller, L. Basch, C. Blanc-Szanton (eds) *Towards a transnational perspective on migration: race, class, ethnicity and nationalism reconsidered,* New York: New York Academy of Sciences: 25–52.

Rumbaut R.G., Cornelius W.A. (eds) (1995) *California's immigrant children: theory, research and implications for educational policy*, San Diego: Center for US–Mexican Studies, University of California.

Sassen S. (1996) *Losing control: sovereignty in an age of globalization*, New York: Columbia.

Sassen S. (1999) *Guests and aliens*, New York: New Press.

Sassen S. (2001) Cracked casings: notes towards an analytics for studying transnational processes. L. Pries (ed.) *New transnational social spaces*, London: Routledge: 187–207.

Schermerhorn R.A. (1949) *These our people: minorities in American culture*, Boston, MA: DC Heath and Company.

Schnapper D. (1991) *La France de l'intégration: sociologie de la nation en 1990*, Paris: Gallimard.

Sen A. (1999) *Reason before identity*, Oxford: Oxford University Press.

Silverman M. (1995) Rights and difference: questions of citizenship in France. A. Hargreaves, J. Leaman (eds) *Racism, ethnicity, and politics in contemporary Europe*, Aldershot: Edward Elgar: 253–263.

SkrbiÆ Z. (1999) *Long distance nationalism: diasporas, homelands and identities*, Aldershot: Ashgate.

Smart A. (1997) Capitalist story-telling and hegemonic crises: some comments. *Identities*, 3: 399–412.

Smith A. (1983/1789) *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*, Oxford: Oxford University Press.

Smith A.D. (1983) Nationalism and social theory. *British Journal of Sociology*, 34: 19–38.

Smith A.D. (1995) *Nations and nationalism in a global era*, Cambridge: Polity Press.

Smith A.D. (1998) *Nationalism and modernism: a critical survey of recent theories of nations and nationalism*, London: Routledge.

Smith M.P., Guarnizo L.E. (eds) (1998) *Transnationalism from below: comparative urban and community research*, 6, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers.

Smith R. (1997) Transnational migration, assimilation, and political community. M. Crahan, A. Vourvoulias-Bush (eds) *The city and the world*, New York: Council on Foreign Relations: 110–132.

Smith R. (1998) Transnational localities: community, technology and the politics of membership within the context of Mexico–US migration. M.P. Smith, L.E. Guarnizo (eds) (1998) *Transnationalism from below: comparative urban and community research*, 6, New Brunswick, NJ: Transaction Publishers: 196–241.

Snyder J. (2000) *From voting to violence: democratization and nationalist violence*, New York: Norton.

Steinberg S. (1989) *The ethnic myth: race, ethnicity and class in America*, Boston: Beacon Press.

Stoler A. (1989) Making empire respectable: the politics of race and sexual morality in 20th century colonial cultures. *American Ethnologist*, 16: 634–660.

Szanton Blanc C. (1997) A thoroughly modern Asian: capital, culture and nation in Thailand and the Philippines. A. Ong, D. Nonini (eds) *Ungrounded empires: the cultural politics of Chinese transnationalism*, New York: Routledge: 261–286.

Taguieff P-A. (1991) Le "nationalisme des nationalists": un problème pour l'histoire des idées politiques en France. G. Delannoi, P.-A. Taguieff (eds) *Théories du nationalisme*, Paris: Éditions Kimé: 47–174.

Taylor P.J. (1996) Embedded statism and the social sciences: opening up to new spaces. *Environment and Planning A*, 28: 1917–1928.

Therborn G. (1995) *European modernity and beyond: the trajectory of European societies, 1945–2000*, London: Sage.

Thompson A., Fevre R. (2001) The national question: sociological reflections on nation and nationalism. *Nations and Nationalism*, 7: 297–315.

Torpey J. (2000) *The invention of the passport: surveillance, citizenship and the state*, Cambridge: Cambridge University Press.

Tribalat M. (1995) *Faire France: une grande enquête sur les immigrés et leurs enfants*, Paris: Editions La Découverte.

Ture K., Hamilton C. (1992/1967) *Black Power: the politics of liberation in America*, New York: Vintage Books.

Urry J. (2000) *Sociology beyond societies*, London: Routledge.

Vertovec S. (ed.) (1999) *Migration and social cohesion*, Aldershot: Edward Elgar.

Waldinger R. (2000) *The sociology of immigration: second thoughts and reconsiderations*. (keynote address prepared for the conference on migration and development), Princeton University.

Wallerstein I. (1961) *Africa: the politics of independence*, New York: Vintage.

Wallerstein I. (1974) *The modern world-system: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*, New York: Academic Press.

Weed P. (1973) *The white ethnic movement and ethnic politics*, New York: Praeger.

Went R. (2000) *Globalization: neoliberal challenges, radical responses*, London: Pluto.

Williams B.F. (1989) A class act: anthropology and the race to nation across ethnic terrain. *Annual Review of Anthropology*, 18: 401–444.

Wilson T., Donnan H. (eds) (1998) *Border identities: nation and state at the international frontier*, Cambridge: Cambridge University Press.

Wimmer A. (1996a) L'héritage de Herder: nationalisme, migrations et la pratique théorique de l'anthropologie. *Tsantsa: Revue de la Société Suisse d'Ethnologie*, 1: 4–18.

Wimmer A. (1996b) L'État-nation: une forme de fermeture sociale. *Archives Européennes de Sociologie*, 37: 163–179.

Wimmer A. (1998a) Binnenintegration und Aussenabschliessung: zur Beziehung zwischen Wohlfahrtsstaat und Migrationssteuerung in der Schweiz des 20 Jahrhunderts. M. Bommes, J. Halfmann (eds) *Migration in nationalen Wohlfahrtsstaaten: Theoretische und vergleichende Untersuchungen*, Osnabrück: IMIS: 199–221.

Wimmer A. (1998b) Zurich's Miami: transethnic relations of a transnational community. *Transnational Communities Working Paper WP-98-07*, Oxford: Institute for Social and Cultural Anthropology.

Wimmer A. (1999) Verwischte Grenzen: Zum Verhältnis zwischen Soziologie, Ethnologie und Volkskunde. C. Giordano (ed.) *Borderlines: Soziologie, Kulturanthropologie und Ethnologie. Annali di Sociologia — Soziologisches Jahrbuch*, 12.

Wimmer A. (2001a) Globalizations avant la letter: a comparative view on isomorphization and heteromorphization in an interconnecting world. *Comparative Studies in Society and History*, 43: 435–466.

Wimmer A. (2001b) Modernisation as a case of transformation. G. Elwert, M. Kohli, W.-H. Krauth, W. Schelkle (eds) *Paradigms of social change: modernisation, development, transformation, evolution*, Frankfurt: Campus: 77–89.

Wimmer A. (2002) *Nationalist exclusion and ethnic conflict: shadows of modernity*, Cambridge: Cambridge University Press.

Wolf E.R. (1982) *Europe and the people without history*, Berkeley: University of California Press.

Wyman M. (1993) *Round-trip to America: the immigrants return to Europe 1880–1930*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Zolberg A. (1983) The formation of new states as a refugee-generating process. G. Loescher, J. Scanlan (eds) *The global refugee problem: US and world response. The Annals of American Academy of Political and Social Science*, 467: 24–38.

Рекомендация для цитирования:

Виммер А., Глик Шиллер Н. (2021) Методологический национализм и за его пределами: нациостроительство, миграция и общественные науки. *Социология власти*, 33 (2): 184-231.

For citations:

Wimmer A., Glick Schiller N. (2021) Methodological Nationalism and Beyond: Nation-state Building, Migration and the Social Sciences. *Sociology of Power*, 33 (2): 184-231.

Поступил в редакцию: 22.05.2021; принят в печать: 06.06.2021

Received: 22.05.2021; Accepted for publication: 06.06.2021